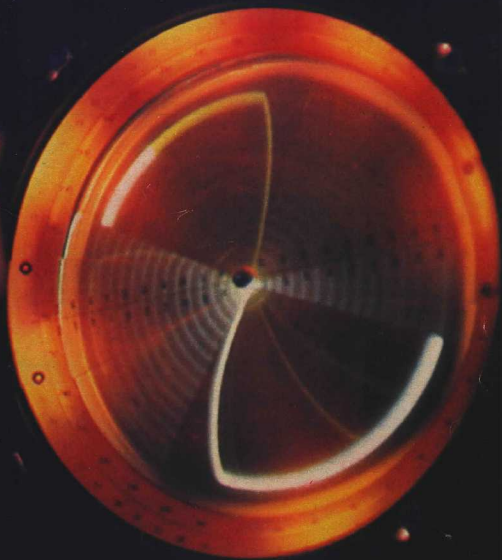

СМЕНА

№ 11 ИЮНЬ 1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

**Мирные
и военные
профессии
Дома
обороны**

За последние годы у нас проделана значительная работа по воспитанию у советских людей чувства гордости за свою Родину, за свой народ, за его великие свершения, чувства уважения и достойным страницам прошлого своей страны. Большое значение имеет подготовка молодежи к защите Родины, которая проводится комсомолом, Добровольным обществом содействия армии, авиации и флоту, а также другими организациями и спортивными обществами.

Из Стенового доклада Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза.

ДОМ О

БОРОШЫ

Леонид МИХАЙЛОВ,
Владимир ЧЕШВИЛИ (фото)

Покупая билеты в театры ДОСААФ, каждый из нас думает, пожалуй, о своих будущих выигрышах. Одному нужен мотоцикл, другому — подавай автомобиль, а третьего вполне устраивает надувная лодка. А когда приходит наконец газета с таблицей, разгорячившихся в своих ожиданиях, конечно же, куда больше, чем счастливых. В Челябинске, как и в любом другом большом городе, там, вот в потерейных иудейничков Белого осыпало много. И вот несколько месяцев назад все они оказались обладателями коллективного выигрыша: на средства, вырученные от продажи билетов, здесь построили четырехэтажное здание Дома обороны. Название звучное, красивое, но правильное, наверное, было бы называть это новое в полном смысле слова учреждение Домом военно-технических знаний.

Судите сами: под одной крышей разместились здесь кабинеты и аудитории, раздолбля, военно-технической школы и учебно-консультационного пункта для допризывников. Рабочие молодые. Челябинска приходят сюда, чтобы подготовиться и службе в Советской Армии, изучить радиодом, получить права на вождение мотоцикла. До позднего вечера

«Визуальное занятие» — заметка по стрельбе ведется в тире педагогического института.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

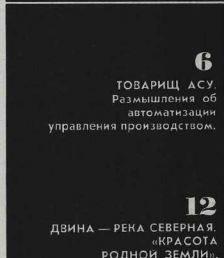
№ 11 (1057)

ИЮНЬ
1971

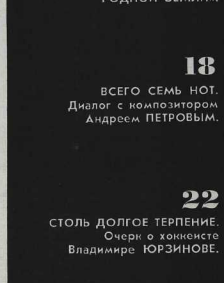
НАША ОБЛОЖКА:
ПРОФЕССИЯ ОПЕРАТОРА РАДИОКАЦИ О И И О СТАЦИИ БЫЛА ПОНАЧА ДУ СТУБЮ ВОЕННОЙ А ТЕПЕРЬ ТОВАРИЩИ ДУЖЕ НА ЭКРАНЕ РЭС — ВЕРНЫЕ ПОМОЩНИК МОРЯКОВ И ВИНОГРАДЯРЕЙ, ЛЕТИКОВ И МЕТЯВОЛОГОВ. НЕ ЗДВИГАЮТСЯ, ЧТО ТАК РВУТСЯ К НЕЙ ЧЕЛЯБИНСКИЕ НАРНИ...

Фото Владимира ЧЕШВИЛИ

6

ТОВАРИЩ АСУ.
Размышления об автоматизации управления производством.

12

ДВИНА — РЕКА СЕВЕРНАЯ.
«КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ».

18

ВСЕГО СЕМЬ НОТ.
Диалог с композитором Андреем ПЕТРОВЫМ.

22

СТОЛЬ ДОЛГОЕ ТЕРПЕНИЕ.
Очерн о хонкесте Владимире ЮРЗИНОВЕ.

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР ЖУРНАЛА
ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЛОДОЙ СМЕНЕ
СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

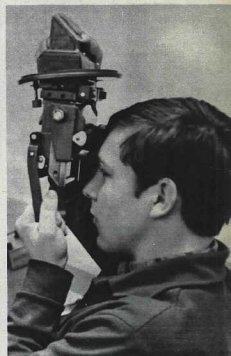
РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашиш, Г. П. Елссев, К. Н. Замощин, А. П. Кулешов, А. А. Лихнов (ответственный секретарь), В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рывчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Ступов (главный художник), В. Е. Тольшакевич

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Буднина

На уроке теории.

светятся над Миассом-рекой огромные окна. Дом обороны работает.

Сложный и интересный мир радио увлекает молодых ребят. Мелочливых освоить технику как в мирной жизни, так и на военной службе профессию оператора радиолокационной станции так много, что в Челябинском обкоме ДОСААФ подумывают даже о предварительных конкурсных испытаниях.

...Защитренные окна, ангажирующие лампы, тул приборов создают в этой комнате атмосферу напряженную и даже таинственную. Притихшие, серьезные парни внимательно слушают объяснения преподавателя, уверенно обращаются с переключателями и тумблерами.

— Цель обнаружена.

Молодой оператор ставит переключатели в нужное положение. Телеручки качаются в заданном направлении. Цель — светящаяся «скобка» — постоянно в поле зрения станции.

Анатолий Кочин до того, как стать преподавателем, служил в армии — в частях ПВО. Как с закрытыми глазами разобрать и собрать станцию, как, мельком взглянув на развертку, безошибочно определить положение «скобки» — всему этому Анатолий учит ребят. Он расскажет им о зрелых, на которые может пуститься враг, чтобы сбить оператора со следа.

А в соседней комнате Михаил Илларионович Дремлюга проводит занятие с группой выпускников. Надолго запомнится Михаилу Илларионовичу эти ребята, и не потому, что они такие уж особенные. Нет, парни как парни — в меру шумные, в меру усидчивые. Таких групп у Дремлюги за его семидесятилетнюю препода-

Столовая тоже входит в комплекс Дома обороны.

Будущий танкист должен знать все до мелочей — даже как укрыть машину брезентом.

Триплекс — глаза танка. И хотя первое знакомство с этим прибором происходит в классе, выясняется, что ты и вправду в боевой машине.

Рассказ ветерана войны иной раз звучит куда больше, чем несколько записей в аудиогорни.

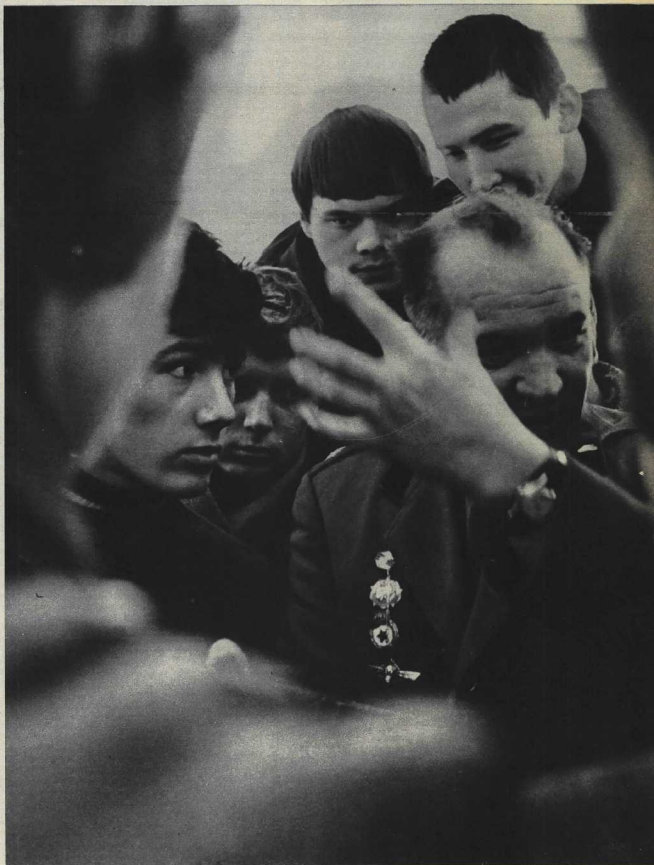
ваторскую службу было великое множество. Но ведь эти ребята — и староста группы Баникова и отличники Никифоров, Пивоваров, Дробязов — будут первыми выпускниками Дома обороны.

В годы Великой Отечественной войны Челябинск прозвали Танноградом: здесь делали танки для фронта, отсюда торжественно проводили знаменитый Уральский танковый корпус, полностью укомплектованный местными уроженцами. О тех трудных годах этим парням рассказывали, наверно, родители. Читали они и книги о войне да еще видели не раз знаменитый челябинский танк, навечно водруженный на постамент на Комсомольской площади, неподалеку от Тракторного завода. Но, видно, и к ним перешла по наследству танноградская кровь. Может быть, секрет этой популярности в том, что у Дома обороны есть самый настоящий танк, в котором можно посидеть, поработать рычагами, послушать, как гремит его стальное сердце — мотор.

У курсантов военно-технической школы свои заботы. Пока одни, оседлав мотоциклы, деловито чертят «восьмерки» во дворе, другие сдают экзамены по правилам уличного движения.

Пройдет немного времени, и эти рабочие парни разьедутся по всей стране: одни станут солдатами, другие — радистами в далеких экспедициях, но все они на вопрос: «Где получили специальность?» — будут отвечать одинаково: «В челябинском Доме обороны».

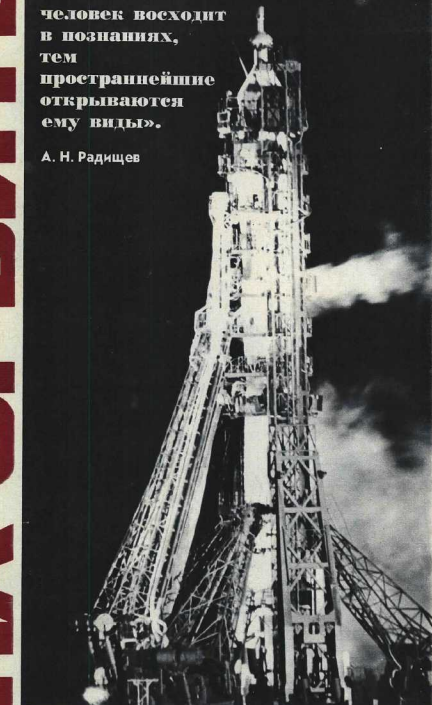
В том самом, который они выиграли с помощью потерей ДОСААФ.

НА СОРОК ПЯТИ

«...Чем выше человек восходит в познаниях, тем протранснейшие открываются ему виды».

А. Н. Радищев

ПРЕДУЩЕГО

Встречи с космонавтами в ЦК ВЛКСМ уже стали традицией. Командир корабля «Союз-10» В. А. Шолохов, член главного комитета А. С. Елисеев и Н. Н. Рукавишников подробно рассказали о своем полете и передала Центральному Комитету ВЛКСМ телеграмму от имени ВЛКСМ, комсомольцев и пионерской молодежи, поблагодарив за полет.

Словес неуверенно стремится в космос, мечтает о полетах, которые будут длиться месяцы и годы. Но для этого ему надо очень многое знать и уметь: знать о космосе и о себе, уметь строить корабли и космические станции, научиться соединять водородно-атомные источники науки и технические средства, рожденные в бурный век общего прогресса.

Ракеты, способные выводить за пределы Земли огромные грузы, корабли, обеспечивающие нормальные условия для жизни и работы экипажа, радиотехнические и координационно-измерительные комплексы для связи и управления, научные приборы и системы, собирающие и обрабатывающие информацию о происходящем на борту «звездолета» и в самом космическом пространстве, — вот лишь краткий перечень того, что потребовалось человеку в его первые познать тайны Семли и неба.

Несколько четверть столетия назад считалось космическая эра. Более тысячи летательных аппаратов — автоматических и пилотируемых стартовали за эти годы с космодромов планеты, и каждый из них ставил своей целью решение конкретных научно-технических задач. И если первые шаги на этом пути были лишь пробой сил, то апрель 1961 года вошел в историю осуществления самого дерзновенного замысла: человек облетел свою родную планету, взглянув на нее со стороны, ответил на многие вопросы, которые волновали землян на протяжении столетий.

В 60-е годы нашего века определялся главный и магистральный путь штурма космоса — создание действующих орбитальных станций и сооружений, своего рода обитаемых научных лабораторий на орбите, «эфирных поселений», как назвал их К. Э. Циолковский.

Мечты Циолковского уже начали сбываться. Человек научился маневрировать над планетой, ступать летящие корабли, осуществлять переход из корабля в корабль, длительное время работать в космосе...

Освоение космоса — стратегия дальнего прицела. В Советском Союзе уже

в течение ряда лет проводится планомерная поэтапная обработка задачи, представляющих создание орбитальных станций. Достаточно упомянуть о полетах спутников серии «Космос», «Союз-3», пилотируемого Г. Береговым, и беспилотного корабля «Союз-2», кораблей «Союз-4» и «Союз-5», пилотируемых В. Шаталовым и Б. Волыновым с Е. Хруновым и А. Елисеевым на борту, групповой полет «Союз-6», «Союз-7» и «Союз-8», во время которого семь космонавтов одновременно проводили в космосе научные и технические эксперименты, широко маневрировали, обрабатывали ручного управления и взаимодействия между кораблями и наземным командно-измерительным комплексом; длительным рейс А. Николаева и И. Сивастьянова на «Союз-9».

Новым шагом в решении «эфирных поселений» стал совместный эксперимент пилотируемого корабля «Союз-10» и орбитальной научной станции «Салют».

Надограм по продолжительности был этот этапный полет, но он позволил экипажу в составе опытного пилота-космонавта В. Шаталова, бортинженера А. Елисеева и инженера-испытателя Н. Рукавишников провести комплекс исследований по проверке работоспособности усовершенствованных систем взаимного поиска, причлалания, стыковки и расстыковки корабля и автоматической станции. Испытания и исследования прощли успешно. Выполнив заданную программу, космонавты возвратились на Землю, эксперименты с научной станцией «Салют» продолжались.

«Новый этап в освоении космического пространства», — сказано в приветствии Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР ученым, конструкторам, инженерам, техникам и рабочим, всем коллективам и организациям, участвующим в подготовке и осуществлении орбитального полета космического корабля «Союз-10», — программе работ орбитальной научной станции «Салют» начала осуществляться в год XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза. Это знаме-

нательный факт, ибо в документах съезда намечена широкая программа космических исследований.

Создание орбитальных станций с персоналом на борту и длительное действующее во внешнем пространстве — одна из не только важных, но и сложных задач космонавтики. Ее решение потребует многих усилий, этапных исследований и испытаний.

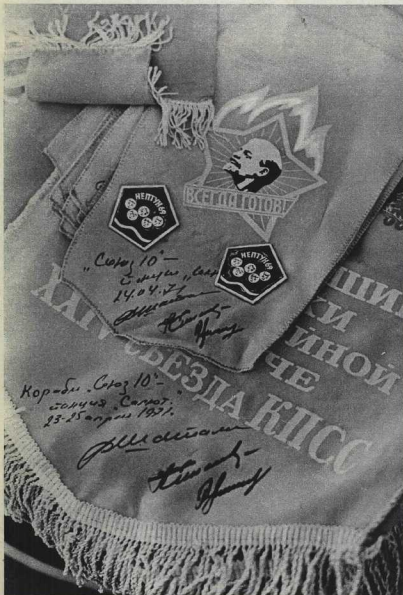
Орбитальные станции, оснащенные комплексом научно-исследовательской аппаратуры, которой будут управлять представители различных профессий, обеспечат непрерывное и регулярное получение данных в области космической физики, астрономии, метеорологии, биологических наук, геодезии, навигации, картографирования...

Естественно, этот перечень далеко не исчерпывает возможностей космических лабораторий для народного хозяйства, для науки, для сварки в будущем экспедиций в дальние межпланетные путешествия. Но уже сейчас очевидно, что «эфирные поселения» позволят синоптикам следить за погодой в глобальном масштабе и составлять более точные долгосрочные прогнозы; труженики лесов и полей смогут фиксировать очаги лесных пожаров и участки посевов, зараженные вредителями; магнитную съемку можно будет производить гораздо быстрее и над значительно большей территорией; специализат службы Солнца смогут подробнее изучить наше дневное светило и научиться предсказывать его «буйства»; океанологи займутся проблемами изучения Мирового океана, получат исчерпывающие представления о водных ресурсах планеты; технологи и химики используют условия космоса для производства новых материалов и выращивания кристаллов. Словом, орбитальные станции — это «пробег» для всех.

Так будет. В решении этих проблем — эффективность многих поисков, вслед за которыми, несомненно, последуют и новые открытия. А пока — отработка того, что нам потребуется на этом пути. Исчерпывающие испытательные работы позволят создать бортовые системы орбитальных станций, отличающиеся простотой и высокой надежностью, а также имеющие такие характеристики, которые сделают их универсальным инструментом в руках космонавтов-исследователей.

Человеку предстоит много работы в космосе. Скоро, вероятно, и в программах курсов институтов появятся такие дисциплины, как космическая агрономия, космическая химия, космическая геология и другие. Ведь уже сегодня астрономия превращается из науки наблюдателей в науку практиков-экспериментаторов. А космическая радио- и телевизионная связь и метеорология бурно развиваются. Но какой бы ни была деятельность людей в межпланетном пространстве, она всегда будет направлена к одной цели — сделать жизнь человека на Земле еще более прекрасной.

М. РЕБРОВ, инженер

Николай ТАРАСОВ

Мы тратьм себя
и котилм.
Щецадлю
и вполыхах.
И глупо
ломалм
Проспектов
на площадач.
Какой
это нынче
Куда
эта ночь
теперь!
И любат меня,
и гонят,
И дернат открытой дверь.
Но тускло
горят
кумирл!

И тлеет в ночи слова —
в железном прогоне лет
камина
Подсвеченные дрова.

Ты рана моя сквозная
В железном прогоне лет.
На тонкую нить прозаны
Натянутый сирут.

Осенний глоток тумана
Из детства
как леденец.
Романс
или
романа
Начало
или
конец.

Время проходит просто.
«Успевает»
Так оно так.
Было — и нет его.
Время проходит тихо.
Полночь —
и канул день.

Цепью гремять
и тикать
Хожу как даже лень.
Люди рядили мудро:
Утром
оно видней.
Де вода
не каждое утро
Вечера мудреней.

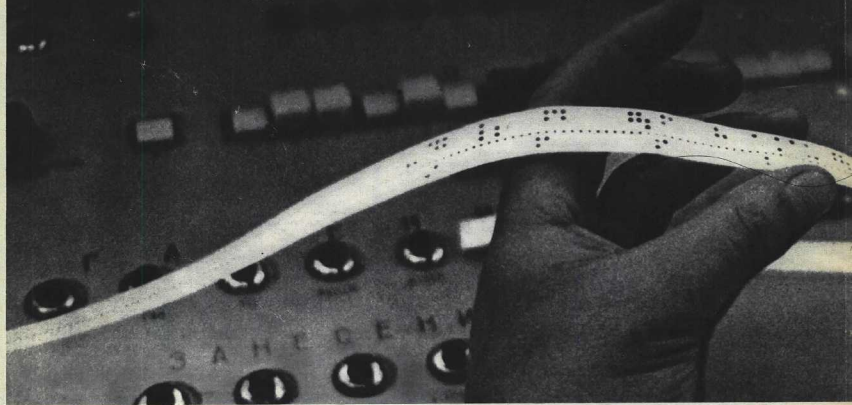
ВЕЧНЫЙ ГОРОД

За фонарем из тумана
Крутится копыть
и гарь,
Словно эзак иностранный,
Не заключенный в словарь.
Улицы стиснутый разум.
Блины холодных окон.
И за железной оградой
Бельм набат площадей.
Город
спасен
от безвестности
И возведен на века.
Частью изыщной словесности
Стали дома,
облака.
Сад,
населенный деревьям,
Ночи коснулись едва,
Вышел
из шатного времени
И воплотился в слова.

Белградское небо
И добро
и лепо.
И снова ко мне
Возвращается лето.
Сады и бульвары —
Весны диктатура.
И, словно подарок,
Архитектура!
От нового города —
До города прежнего,
От аэропорта —
До левоберейки.
Бульвар Революции.
Это название
Мне кажется лучшим
К народу возвращаем.
Здесь каждому зданию
С утра и до вечера
Дано по заданию
Союзного Веча.
Светлы и опрытны
Над Садов мосты.
И людям приятно,
Что я из Москвы.

ТОВАРИЩ

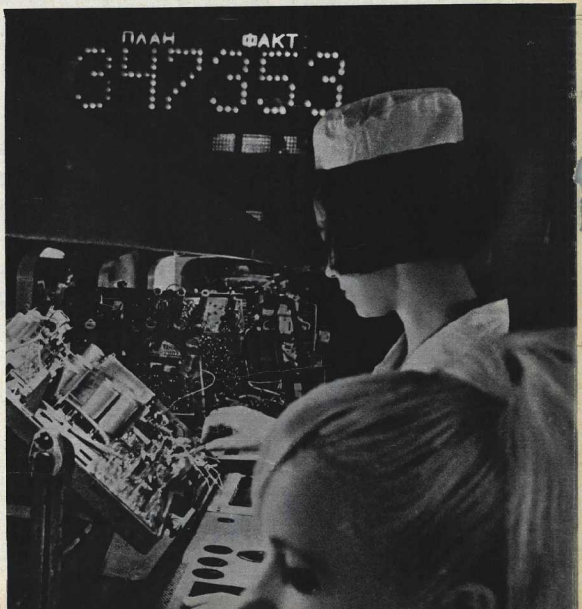

**«Широко внедрять
автоматизированные
системы управления
технологическими
процессами
на предприятиях».**

Из Директивы XXIV съезда КПСС по
пятилетнему плану развития народ-
ного хозяйства СССР на 1971—1975 годы.

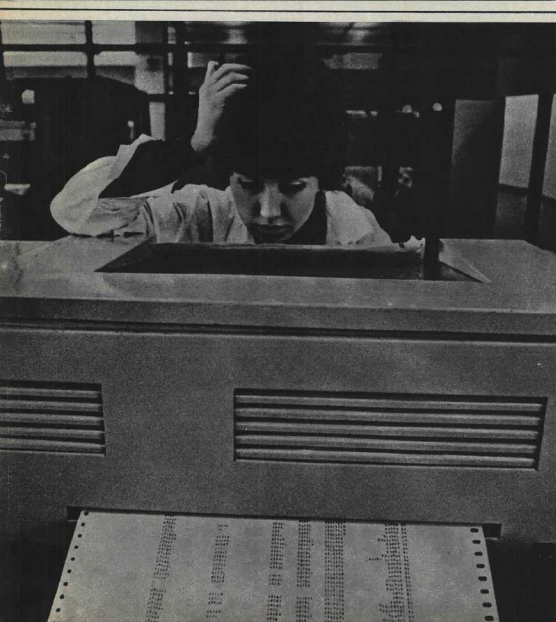
*Львовский телевизиорный завод. Автоматическая
система управления не только информирует каж-
дого работника о ритмичности конвейера, о вы-
полнении плана, но и анализирует все произ-
водство и отдает нужные команды.*

6 смена

АСУ

СОВРЕМЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО: ТРУД И ЛИЧНОСТЬ

Владислав КОВАЛЕВ,
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

Б участии электронных вычислительных машин в управлении производством писали и раньше. Но не так, как сегодня.

В Директивах XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану задачи автоматизации управления современным производством ставится как одна из важных.

«Только тысячи быстродействующих ЭВМ вместе в совокупности могут быть тем мотком, который в состоянии осветить цели и реализовать современные задачи управления», — говорит о роли электронных вычислительных машин в управлении современным хозяйством директор Института кибернетики АН УССР академик В. М. Гуляков.

— Если внедрение ЭВМ в управленческую деятельность не вестись достаточно быстро, в промышленности наступит застой и неразбериха, — сказала в беседе со мной директор Вычислительного центра Сибирского отделения АН СССР академик Г. И. Марчук.

Что же произошло? Почему электронная вычислительная машина из инструмента для вычислений, из объекта научных и технических исследований, из неизбежного повода для споров о близком и далеком будущем человечества превратилась в основу управления современной промышленностью и грозит стать одним из главных показателей прогресса? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно сначала осмыслить те изменения в современной промышленности, которые произошли за последние десятилетия. Они прежде всего связаны с разрывом, вошедшей на наших глазах научно-технической революцией. Человек, увлеченный внедрением науки и техники, не просто расширял современные производства, не просто оборудовал заводы новыми станками, конвейерами, автоматическими линиями — он изменял их природу.

Еще десять — двадцать лет назад мы могли говорить, что производство — это процесс непосредственного превращения сырья в вещь. Для нашего времени это уже не совсем правильно. Еще задолго до того, как этот процесс начнется в цехе, в научно-исследовательских институтах, конструкторских и проектных бюро проводится исследование, создаются чертежи и технологические карты, делаются экономические расчеты, которые ложатся в основу производства той или иной детали, блока, машины и которые спустя некоторое время должны реализовать металлурги, токари, фрезеровщики, сборщики и многие другие заводские специалисты.

Сейчас доля этого «непроизводственного» цикла во всем процессе создания предмета очень возросла. В большинстве высокоразвитых стран только около одной четверти продукции производится экстенсивно, то есть путем непосредственной переработки сырья и вещи, остальные же — интенсивно, вследствие реализации научных исследований и проектно-конструкторских разработок. Иначе говоря, производственный процесс стал в очень большой степени информационным, зависящим не только от способности человека делать что-то руками, но и от его умения добывать, обрабатывать и реализовать новую информацию, овеществлять мысль.

Но это не все. Производственный процесс становится по природе все более информативным, и потому, что быстрее, чем сами производства, растет информация о них. К примеру, если количество станков в цехе удваивается, то количество сведений, которые связывают эти станки и людей в производственный процесс, возрастает в неизмеримо большей степени.

Особенно отчетливо все это видно в новых и новейших технологических процессах. С одной стороны в них очень велика доля «информационного» цикла — за год их продукция в среднем обновляется на двадцать процентов, с другой — очень велик объем чисто технологической информации. Представьте себе, например, производство электро-

вакуумных приборов, которые торчат в стерильных пинцях, обложенных ватой, в специальных материалах, сверхточных приборах. Его успешность зависит от очень многих условий: стабильности окружающей среды, качества материала, состояния прибора, самочувствия рабочего и так далее и тому подобное. Газ и вода, в директивном порядке обеспечить выполнение этих условий нельзя: производство протекает в сложной вероятностной системе, где все меняется как-то случайно. Значит, эти условия можно только поддерживать — контролем их выполнения с помощью своевременно поступающей информации, о чем которой, кстати сказать, очень важно.

Итак же не всегда удается сказать, то есть, что должен видеть в первую очередь... — так ответил директор одного крупного новосибирского предприятия, когда я его спросил, почему он обратил внимание на ЭВМ.

Таким образом, наука не просто осваивала промышленность новыми машинами и технологиями, но изменяла наши представления о роли информации.

Мы привыкли рассматривать богатство страны как совокупность сырьевых, энергетических, трудовых ресурсов и тех производственных фондов, которые дают возможность освоить эти ресурсы. Хотелось бы заметить, что в промышленности СССР М. Раковский. Сейчас такое представление должно быть расширено. Появился новый, так сказать, экономический фактор — информация. Правильно обработанная информация — основа хорошего управления. Информация — это не только материальные выгоды, так что информация сама в извещенном смысле может быть отнесена к материальным категориям.

Ну, а если информация — материальная сила, то ЭВМ — материальная сила тоже. Только ЭВМ — способность которых перерабатывать, организовывать и хранить информацию почти беспредельны, помогают человеку справиться с задачами управления в частностях — управление производством, а стало быть, преуспеть в этом сложном, быстро меняющемся мире.

то была, так сказать, присказка.

«Сказка» же касавшаяся проблемы становления автоматизированных систем управления производством (АСУ), а именно бы начать с ответа на вопрос: что такое АСУ? АСУ — это система управления производством, а стало быть, преуспеть в этом сложном, быстро меняющемся мире.

Прежде всего, говоря об АСУ, нужно говорить об ЭВМ — электронно-вычислительной машине. Это сердце, мозг АСУ. В памяти ЭВМ записана вся информация о производстве (различные его нормативные количества и типы станков, а также и профессионализм людей и многое другое), а в ее программах — планы предприятия и порядок их выполнения. ЭВМ должна быть соединена телематричными связями со всеми звеньями управления предприятия: им — от директора до кладовщика, каждому из них сообщать информацию соответствующего ранга. Если, к примеру, все производство не успеет в срок, то это инженер должен знать, а не директор, что тов. Иванов сегодня не вышел на работу или что на складе поступило заказов на сто килограммов меньше, чем нужно, знать ему не обязательно, что инженер знает, а начальник участка (даже не цеха) или кладовщик.

Но не только. Кроме ЭВМ, автоматизированная система управления должна иметь и «органы чувств», которые позволили бы ей самой, без участия человека, собирать информацию о производстве. Принцип действия этих органов чувств — «Альфы». Как и везде, в сборочном цехе Альфского телевизионного завода есть контролер ОТК. Осмотрев соответствующий радиодуэт, он ставит на свое место какой-нибудь контрольный технический условный знак. Так делается на всех заводах. На Альфском же есть одно любопытное дополнение — в штатим включается электрический датчик. И в момент, когда Альфа штатим касается материала, датчик производит раздувание информации об этом датчике диспетчеру цеха, главному диспетчеру в ЭВМ. Если скорость конвейера в предельных нормах, ЭВМ промолчит. Если же нет, к диспетчеру поступит сигнал, который вызовет движение конвейера. Таким же образом (пометкой человека) регистрируются простои станков, задержка материала на складе, выходка изделия с конвейера на конвейер и многое другое.

Благодаря своим «органам чувств» АСУ хорошо дисциплинирует своих производств. Ее не обмануть и не уговорить, она живет не формальным законом настроения, она живет по фактическим законам логики и превращения числа драг в драгу, превращения отрезка провода в полосу чистого металла. И человек это чувствует. Уже сам акт внедрения АСУ в одном из цехов Барнаульского радиозавода снизил его внутрицеховые потери с 18 процентов до одного.

Иногда же Альфскому телевизионному заводу очень быстро убеждали, что спорить с машинами трудно. Получая соответствующую команду от машины, мастера на первых порах «контролирующие» работу. Например, выходя из цеха, проверяя на отпечатанном телематричном бланке, что очередное задание нужно передать не на тот станок, а на ЭВМ. Дескать, у того станка, который назывался ЭВМ, самовольно отпал. В результате нарушалась вся логика управления. Но машина знала, что в складе есть замена सामонному штатиму (штатимы и вся оснастка в системе «Альфы» под таким же контролем, как и детали телевизора), а вот мастера не знала, что на станке, которому он передается задание, через час придет новое, может быть, более срочное и важное, чем первое.

«Система «Альфы» легко ловит и обходитерателей, которые пытаются обмануть ее, делая отсчеты о выполнении плана, иногда завышают результаты. На заводе можно было услышать вопрос: у тебя сколько минусов? Это значит: по сколькум позициям машина сделала тебе замечания? В общем — это не так страшно. Но машина знала, что за честность на Альфском телевизионном заводе стала не только моральной, но и технологической нормой.

И это привнесло (разумеется, в самом широком смысле) отношение АСУ к производству можно встретить на всех его уровнях, вплоть до самых глубинных. Приведу пример. На одном из барнаульских заводов как-то решил подсчитать зарплату рабочих. Но оказалось, что подсчитать зарплату с помощью ЭВМ. И результаты не заставили себя ждать. Как и предполагал, увеличилась ритмичность работы. Но не только. Неужиданно для всех это в общем-то простое мероприятие разнилось и на состоянии нормативного хозяйства завода, то есть первичной информации, являющейся основой производственного процесса. Были выявлены дефекты, о которых раньше никто не мог и подумать.

Вот что произошло. Каждый день после смены в цехе вывешивались сводки с подсчитанными зарплатами, чтобы каждый рабочий видел их и делал выводы. И делавший сводки инженер, которому стало ясно, сколько стоит его посылка, а сколько — странное. Но иногда само сводок возникали споры на, казалось бы, бесспорную тему: почему так получилось? Почему так получилось? Почему так получилось? Впрочем, такие споры были редкостными явлением, когда зарплата подсчитывалась раз в месяц. Теперь же рабочий реально видел, сколько стоила его реальная одномоментная работа. И когда получалась так, что два мастера одинаковой квалификации, работав на одинаковых станках, и делая приблизительно одинаковые детали, зарабатывали разные деньги, возникал закономерный вопрос: почему так? Разве может быть так? Ответом на просто лучше работа от этого месяца, чем я. Но теперь-то все видели, что работали они одинаково, видели из часа в час на протяжении всего дня. Появились новые возможности. Рабочий мог сделать конкретный вывод, и выяснилось, что «любимчики и нелюбимчики» были «запрограммированы» мастером уже в нормах выработки и расценок, на основании которых производился подсчет зарплаты. Тем самым помогая пересмотреть эту несправедливую первичную информацию.

Благодаря своей способности быстро перерабатывать информацию и сделать за ходом всего производства контроль, ЭВМ помогает в развитии человеческих умений, но обнаруживает склонность к анализу самых основ управляемого объекта, в данном случае производства. И открывает широкие возможности его совершенствования.

Иногда же уже говорили о том, что руководителем современного производства приказаны трудом. Да и не сказать по правде, сколько бы ни было приказано трудом. Но в наше время предприятие организуются специальными отделами АСУ и приобретены собственные средства расчета результатов. Это позволяет экономить. Почему? Не хватает специалистов? Конечно, дело-то новое. Но не только. Очень мешает стечение каждого завода иметь свою АСУ, сформированную на своей машине. Также

стремление самым образом обходиться безработным хозяйством. Недавние исследования показали, что ЭВМ, приобретенные для создания АСУ, используются в основном заводами только на три процента. Это есть место того, чтобы работать 24 часа в сутки, а не только в рабочее время, как могли бы рассчитывать. А теперь представьте себе, что через несколько лет многие заводы запустят свои системы. Они будут глубоко индивидуальными и по идеям и по исполнению. Во сколько это удовольствие обойдется государству? Во многие миллиарды рублей.

Иначе говоря, привыкание к ЭВМ в области управленческой деятельности оказалось несравненно сложнее, чем привыкание к ЭВМ в промышленности. Но дело здесь даже не только в желании каждого директора иметь свою АСУ (желание это можно преодолеть), но и в трудностях, которые встают перед проектировщиками серийных автоматизированных систем управления. Неужели так? Давайте, например, поразмыслим над тем, чем могут отличаться друг от друга предприятия, имеющие приблизительно одинаковый объем и структуру одинаковой продукции. Ну, прежде всего они могут отличаться по разным главам. Кроме того, их специалисты могут быть набраны из разных вузов. Я уже не говорю о главном инженер (один управляет наукой, другой — только), о его заместителе, о его заместителе, о его заместителе, о его заместителе. Давайте, например, поразмыслим над тем, чем могут отличаться друг от друга предприятия, имеющие приблизительно одинаковый объем и структуру одинаковой продукции. Ну, прежде всего они могут отличаться по разным главам. Кроме того, их специалисты могут быть набраны из разных вузов. Я уже не говорю о главном инженер (один управляет наукой, другой — только), о его заместителе, о его заместителе, о его заместителе, о его заместителе. Давайте, например, поразмыслим над тем, чем могут отличаться друг от друга предприятия, имеющие приблизительно одинаковый объем и структуру одинаковой продукции. Ну, прежде всего они могут отличаться по разным главам. Кроме того, их специалисты могут быть набраны из разных вузов. Я уже не говорю о главном инженер (один управляет наукой, другой — только), о его заместителе, о его заместителе, о его заместителе, о его заместителе.

Удобность проекта довольно проста. Анализируя работу автоматизированной системы управления производством, ученые установили, что около 70 процентов усилий по ее разработке идет на то, чтобы обеспечить возможность быстрого и эффективного доступа в памяти ЭВМ и обеспечить к ней по возможности удобный доступ. Все это не связано ни со спецификой, ни с особенностями производства. Это процедура универсальная для всех конкретных АСУ. Это есть основа, которую АСУ сохраняет в унификации по своему строению.

Какие это открывает возможности, понятие. Время разработки АСУ сокращается почти в пять раз, и почти в три раза — расходы. Но не только. Новые возможности открываются для проектировщика: Альфского с машиной — «дает вполне реальную выработку общего направления автоматизации производства. А это очень важно, потому что сегодня нет единства не только между проектировщиками и администраторами, но и среди самих проектировщиков. Что ни производство, то своя техническая идеология, свои принципы составления и информационные массивы в программном обеспечении.

Но не только. Новые возможности открываются для проектировщика: Альфского с машиной — «дает вполне реальную выработку общего направления автоматизации производства. А это очень важно, потому что сегодня нет единства не только между проектировщиками и администраторами, но и среди самих проектировщиков. Что ни производство, то своя техническая идеология, свои принципы составления и информационные массивы в программном обеспечении.

Какой же вывод можно сделать из сказанного? Прежде всего о трудности становления АСУ. Это наш помощник, наш товарищ. Но человеку предстоит еще очень много сделать, чтобы АСУ стала тем, кем может быть работа новосибирских ученых отечественных предприятий. Это непростой путь преодоления многих трудностей. Но, конечно, далеко не всех. Очень важно нам преодолеть самих себя, свои представления. Когда, будучи в Новосибирске, я посетил завод, где главным директором одного из окрестных заводов, чтобы договориться о времени приезда, он ответил:

— А что смотреть-то? Выл один экономист, теперь три. Вот и все преимуществами от автоматизации!

В тридцатые годы, с трудом преодолевая привычные привычки, летчики учились летать по приборам. Сегодня нам нужно учиться по приборам управлять. И чем раньше мы научимся это делать, тем будет лучше для народного хозяйства.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИГОРЯ

РАССКАЗ

Юрий ТРИФОНОВ

Рисунок Василия КАВЯКИНА

Октябрьской ночью 1942 года после одиннадцатичасового переползания с одной среднеазиатской станции на другую шелемол дотянулся до Куйбышева. Откопавшие навод то знобило, то ледяные рываки казавшиеся стенами, отпугивала ползли в открытые двери тумбура, отдаленки на всегда старухи, сидевшие на корточках с мисками, где в тишине жимке плавали бараньи кишки и что-то еще баранье, черное. Пошли дожди, настал холод. В Куйбышеве мертво стояли в тупике, никто ничего не знал. Развесил слух, что на Москву отправят не раньше, чем в понедельник. Близко на рассвете облаками, что отправляются какой-то непредвиденный воицкий шелемол, к нему прицеплены два вагона, и надо спешить, не теряя ни минуты, пересаживаться туда. Прыгали, бежали, спотыкались, волокли ушлы в серой, знобящей мгле. Игорь тащил очень тяжелый, на толстой ковы отцовский чемодан, забитый мешками, болсами, банками, фруктами, сахаром, одеялами, — бабушка насовала все, что можно, чтобы ей и Женке было меньше вети, — и мешок с двумя зимними пальто, своим и Женкиным, двумя парами валенок, и еще веревочную авоську, где лежала буханка черного хлеба и книжка очерков Эренбурга «Война», кулешница в Ташкенте на вокзале. Игорь читал книжку в дороге, лежа в дулоте и изломом воздухе под потогном. Чемодан и мешок Игорь связал поспешным ремнем и перекинул через плечо. Сумку с черной буханкой нес в руке. Ремешок лопнул, не выдержал тяжести. Ситуация Игоря проходила мимо, сочувственно вскрикивали, но помочь не могли: каждый тащил свое.

Одновременно нести чемодан и мешок не удавалось, тогда Игорь решил передвигаться короткими перебежками. Оставив мешок, он перенес чемодан на пятнадцать шагов вперед, затем вернулся к мешку. Все его товарищи уже пробегали вперед. Близ мешок, Игорь двинулся и чемодан и увидел, что высокая фигура, несомненно различимая в рассветной мгле и смелка скрывалась от веса чемодана, торопливо удаляется в глубь перрона. Бросив мешок, чтобы идти быстрее, Игорь последовал за удалявшейся фигурой: он не побежал, не кричал, ибо и то и другое показывало ему изломом и предостережением. Человек с родным отцовским чемоданом ускрал шаг, теперь все стало ясно — мысли работали затрудиленно, все это напоминало тяжкий утренний сон перед пробуждением, — и Игорь побежал. Но было поздно, пожититель кинулся вправо, за вагоны, и исчез. Преследовать его было странно: можно было упустить шелемол. Игорь бегом вернулся к тому месту, где он оставил мешок, но мешка уже не было. В руках у Игоря осталась сумка с буханкой черного хлеба и книжка очерков Эренбурга. Перрон опустел. С обеих сторон стояли глухо и темно стены товарных вагонов.

Игорь победил в страхе от мысли, что отстанет от своих. Куда же они провалились? Он бежал сквозь строй вагонов и кричал, звал. Дверь одного товарного вагона с таким визгом сдвинулась, и на уровне пола показалась голова в лохматой шапке, странная голова, лежавшая набок, щекой к полу, и как будто не изменив туловища, отрезавши голову, и выкинула хватом. Сейчас же Игорь ухватил и круто головой, задала роботом, его успокоившая женщина. Игорь бежал вперед уже не по перрону, а по земле, но с обеих сторон по-прежнему стояли не изменившие конца шелемолы, он

нибуду высоко на стене клопа, мамла брава пилу, нацелена на нее куколки ваты, сменной водой, и колот брызги настичут. У мамы Горика было замечательно хорошее зрение. Боже острым зрением обладала лишь бабкашка, которая у себя на кухне и в стрелковом кружке и даже полукружочке «Воробьевского стрелка».

Пол кабинета застелен толстым и громадным, во всю комнату, персидский коврик. Возится на ковре было гораздо удобнее, чем на диване. Горик и Валера опустели историю, чтобы в комнате дяди Миши проливал снег даждь от потолка. Валера начал выключать свет, но Горик, который обязан происходить в полном мере. Противника надо было угадывать по шороху, по дыханию. Несколько раз они набрасывались друг на друга в темноте и после короткой яростной схватки разбегались по углам. Оглядываями мигавшим друг на друга в темноте, что слышались топотом и обая завоюю от его боти. Вбежала зарослее, выключил свет. У Горика был дарованный «фингал» на абу, у Валеры на всю хлестала коса.

Поднялся шум, забегали, закричали, оказывали первую помощь и одновременно ругали нещадно. Злее всего ругали дядя Миша. Чем ты думаешь! Каким местом? Почему не могу спокойно посидеть и почитать книжечку? — Наш тебе хорошо, — сказала мамла и сильно дернула Горика за руку, чтобы он повернулся к ней другим боком: она вярнула его рубашку в штаны. Когда приходит работа, всегда начинаешь беситься. Смотри, что ты сделала с белой рубашкой!

— Неужели у вас нет других, более интересных занятий? — спросила бабкашка.

Из полиции в ванную комнату, проходящаю слышать упреки. Валера приходил в гости не часто, сегодня был радничник, они имели право побунтовать. Подумаешь! Горик надулся и отвечал матери односторонно. Она не должна была так сильно дергать его за руку. Тем более раненого человека. Вместо жалости поддали такой крик.

Когда вернулись в столовую и сидели за диван, дядя Миша стал рассуждать о прошлом. Горик заметил, что дядя Миша любит вспоминать прошлое, когда немного выпьет; лицо его покрывалось красными пятнами, на губы выступала пена, и он рассаживал по комнате и рассуждал, грозя кому-то дипломом. Когда приходило дело к рассказу о том, как он и его брат, как он и его брат, то есть отец Горика, жили в молодое годы, как они мылились по чужим домам, зарабатывая себе на хлеб, и так далее, и тому подобное. Конечно, они жили плохо, никто не спорит: ведь они жили в царское время.

Мать Горика говорила: «Михалки не умеет ладить с людьми. У него тяжелый характер. Вот удивительно, два брата, а совсем разные!» Но Горику казалось, что дело в чем-то другом. Однажды он видел, как дядя Миша с отцом играли в шахматы. Дядя Миша приехал тогда тоже в са-шашки и неприятно. Он ходил на са-шашки, бавава сестрыми песнями, на цыпочах и скучал пушпоными нитями — но от Geneva, а оттого, что выпил на кухне рюмку урюковой водки, — говорил сердито и много, но было, однако, видно, что он думает о другом.

— Хотя мы с Николаем о такой жизни, как ваша, добротысь бы отчаиваться мечтали. Мы мечтаем о том, чтобы...»

— Не знаем мы, какая у нас будет жизнь, — ввернула отец. И как показало Горикку, ввернула отец ушло.

Через полтора часа всех ребят, кроме Асы, которую мать Горика провела домой, уложили спать. Валера, беднота, сразу захархал, Женя тоже заснула, а Горик долго ждал, прислушиваясь к звукам и голосам. Он слышал, как пришел другой дядя, мамин брат Сергей, студент университета, о нем как-то то мужичица и женщины, наверное, тоже студенты, матушка, матушка, матушка, смелее очень званка и — давалось матушка, кто-то заиграл на пианино и сейчас же перестал. Через дверь с матушкам стеклом сочился на кухню тонкий, свежий запах печенки. Бабкашка всегда печла одно и то же печенье, сухое, корочного цвета, в виде ромбиков, нереальными зубчатим кончиком, и с одним и тем же запахом. У Горика всегда сердце ему захотелось печенки. Захотелось в столовую, где разговорившая студентка. Захотелось увидеть брата Морку, почувствовать запах света, поблестать на глазах через ручку в холмик, и чтобы Аса ушла, как он летит стремглав с самого высокого холма, где он утрясился.

Тихо открылась дверь, и вошла мамла Горика. Она постояла недолго и в темноте, прислушиваясь и стараясь понять, спит дети или нет. Жена и Валера спали, а Горик давал с открытыми глазами. Он сказал: «Мамла, я не сплю». Мамла подняла ве-шничкоша и села на край кровати. Она притонула ладонью ко абу Горина, где была шишка: рука ее была холодная. «Сынок, мы поедем послезавтра к себе, в Серебряный бор». «Правда? — Горик обрадовался. — Уж, здорово! Мне так хотелось съездить к маме, а не сплю!» Мамла сказала: «Конечно, да». И она и папа. И может быть Валерку возьмем, если Миша его отпустит и если вы дадите слово, что будете вести себя хорошо». «Конечно, дядим! Непременно дадим! Обязательно дадим!» Ура-ура-ура! Да здравствует наш любимый, несравненный, драгоценный Серебряный бор! — с возбуждением восклицал шепотом Горик. Он укусы счастливый.

На другой день, тридцать первого декабря, когда все сидели утором за завтраком в столовой, в бабкшничкой комнате раздались внезапно оглушительный грохот. Было похоже, что кто-то выбил в стену какой-то тяжелой стеной. Кто-то ушел, а кто-то встал. Все парнел был услышал свержающимися осколками. Никто не мог понять, каким образом и почему старинное толстое зеркало выпало из двери платяного шкафа, занерпной к тому же на ключ. Это был загадочная история. Домашняя работница Мария Иванова сообщила, что это к войне. Отец Горика сказал, что война с немцами и Муссолини, разумеется, будет, но не скоро. А Горик подумал о том — и это поразало его, — что в мире происходит вещи, которые не может объяснить никто: даже отец, самый умный человек на свете, и мать, тоже очень умная и самая добрая. На один человек, никто и никогда не объяснял Горикку, почему в то утро ушло аврально.

3

От вокзала до Страстного бульвара, где жила теть Дина, Игорь шел пешком, совсем налегке: хлеб от доев, а книжечку Оренбурга сунул в карман. Москва поразилась тишиной, малодвижением — даже на вокзальной пло-

щади людей почти не было, троллейбусы шли пустые — и чем-то гаубою и тяжело растерго. Он словно увидел родное лицо, но изменившееся и ниспряданное в долгую разлуку. На площадях перед теми «Бирюзовыми» стояли несколько человек и слушали радио на репродукторах, установленных на фонарном столбе. «Немцы болеют от гитлеровских зрадцев», — читал торжественным голосом диктор. — Как заявил в Женеве представитель правительства Франции, французский врач, доктор из практической больницы из Германии голландский врач, доктор из практической больницы в Женеве, несколько человек и слушали радио на репродукторах, установленных на фонарном столбе. «Немцы болеют от гитлеровских зрадцев», — читал торжественным голосом диктор. — Как заявил в Женеве представитель правительства Франции, французский врач, доктор из практической больницы из Германии голландский врач, доктор из практической больницы в Женеве, несколько человек и слушали радио на репродукторах, установленных на фонарном столбе. «Немцы болеют от гитлеровских зрадцев», — читал торжественным голосом диктор. — Как заявил в Женеве представитель правительства Франции, французский врач, доктор из практической больницы из Германии голландский врач, доктор из практической больницы в Женеве, несколько человек и слушали радио на репродукторах, установленных на фонарном столбе.

Теперь слабый дождь. Игорю не хотелось садиться в трамвай. Он шел бульваром, заваленном опавшей, гниющей листвой, останавливаясь у гавнетных витрин, читал. Умер художник Нестеров. Рязанская область закончила уборку картофеля. Волнения во Франции. Исполком Моссоветом одобрена инициатива жильцов дома № 10 в П. Валуевской. Москва ищет решение в ремонте отопления, крыш, утепления зданий, возросе топлива, его хранения, эксплуатация. 450 лет назад Христофор Колумб открыл Америку. Этому знаменательному событию посвящена выставка, открывшаяся на днях в библиотеке.

Дом на Страстном знакомом, громадно чернил сквозь дождевую туман. Внутри, в клетках двора, было пустошно. Когда-то эта цепь проходных дворов была оживленнейшим местом: по ним проходили, совращаля себе спину с Большой Дмитровкой на Страстную площадь, а по углам здесь толпились люди, вертевшие «Бирюзовские» часы. Двором ввосточную сторону шли другие на Палашевский рынок. Игорю свернал направо, в тушничкой двор, и подошел к подъезду. Это был, впрочем, не подъезд, а небольшая, довольно грязная и старая, много раз крашенная дверь с железными ручками, лестница за ней была такая же грязная и старая, она поднималась наверх, в квартиру. Лестница отбегала полосу вертикальное пространство, такое узкое, что если бы кто-то вздумал копать тут ступы с жизнью, то должен был бы делать это спиной, сойдя лицом. На третнем этаже была выбита ограда, и она была вышита как образом; Игорю промелькнуло несколько ступеней с осторожностью, приблизившись к стене. «Ну и ну! Как же тут бабкашка Вера ходит? — подумал он с изумлением.

Он нажимал кнопку звонка и улыбался. Его радвали эти сырры день, пугае двори, перерешептые бумажками летящими сюда. Это была Москва, московская квартира. Двором в восточную сторону шли другие на Палашевский рынок. Игорю свернал направо, в тушничкой двор, и подошел к подъезду. Это был, впрочем, не подъезд, а небольшая, довольно грязная и старая, много раз крашенная дверь с железными ручками, лестница за ней была такая же грязная и старая, она поднималась наверх, в квартиру. Лестница отбегала полосу вертикальное пространство, такое узкое, что если бы кто-то вздумал копать тут ступы с жизнью, то должен был бы делать это спиной, сойдя лицом. На третнем этаже была выбита ограда, и она была вышита как образом; Игорю промелькнуло несколько ступеней с осторожностью, приблизившись к стене. «Ну и ну! Как же тут бабкашка Вера ходит? — подумал он с изумлением.

Он нажимал кнопку звонка и улыбался. Его радвали эти сырры день, пугае двори, перерешептые бумажками летящими сюда. Это была Москва, московская квартира. Двором в восточную сторону шли другие на Палашевский рынок. Игорю свернал направо, в тушничкой двор, и подошел к подъезду. Это был, впрочем, не подъезд, а небольшая, довольно грязная и старая, много раз крашенная дверь с железными ручками, лестница за ней была такая же грязная и старая, она поднималась наверх, в квартиру. Лестница отбегала полосу вертикальное пространство, такое узкое, что если бы кто-то вздумал копать тут ступы с жизнью, то должен был бы делать это спиной, сойдя лицом. На третнем этаже была выбита ограда, и она была вышита как образом; Игорю промелькнуло несколько ступеней с осторожностью, приблизившись к стене. «Ну и ну! Как же тут бабкашка Вера ходит? — подумал он с изумлением.

Он нажимал кнопку звонка и улыбался. Его радвали эти сырры день, пугае двори, перерешептые бумажками летящими сюда. Это была Москва, московская квартира. Двором в восточную сторону шли другие на Палашевский рынок. Игорю свернал направо, в тушничкой двор, и подошел к подъезду. Это был, впрочем, не подъезд, а небольшая, довольно грязная и старая, много раз крашенная дверь с железными ручками, лестница за ней была такая же грязная и старая, она поднималась наверх, в квартиру. Лестница отбегала полосу вертикальное пространство, такое узкое, что если бы кто-то вздумал копать тут ступы с жизнью, то должен был бы делать это спиной, сойдя лицом. На третнем этаже была выбита ограда, и она была вышита как образом; Игорю промелькнуло несколько ступеней с осторожностью, приблизившись к стене. «Ну и ну! Как же тут бабкашка Вера ходит? — подумал он с изумлением.

Он нажимал кнопку звонка и улыбался. Его радвали эти сырры день, пугае двори, перерешептые бумажками летящими сюда. Это была Москва, московская квартира. Двором в восточную сторону шли другие на Палашевский рынок. Игорю свернал направо, в тушничкой двор, и подошел к подъезду. Это был, впрочем, не подъезд, а небольшая, довольно грязная и старая, много раз крашенная дверь с железными ручками, лестница за ней была такая же грязная и старая, она поднималась наверх, в квартиру. Лестница отбегала полосу вертикальное пространство, такое узкое, что если бы кто-то вздумал копать тут ступы с жизнью, то должен был бы делать это спиной, сойдя лицом. На третнем этаже была выбита ограда, и она была вышита как образом; Игорю промелькнуло несколько ступеней с осторожностью, приблизившись к стене. «Ну и ну! Как же тут бабкашка Вера ходит? — подумал он с изумлением.

Он нажимал кнопку звонка и улыбался. Его радвали эти сырры день, пугае двори, перерешептые бумажками летящими сюда. Это была Москва, московская квартира. Двором в восточную сторону шли другие на Палашевский рынок. Игорю свернал направо, в тушничкой двор, и подошел к подъезду. Это был, впрочем, не подъезд, а небольшая, довольно грязная и старая, много раз крашенная дверь с железными ручками, лестница за ней была такая же грязная и старая, она поднималась наверх, в квартиру. Лестница отбегала полосу вертикальное пространство, такое узкое, что если бы кто-то вздумал копать тут ступы с жизнью, то должен был бы делать это спиной, сойдя лицом. На третнем этаже была выбита ограда, и она была вышита как образом; Игорю промелькнуло несколько ступеней с осторожностью, приблизившись к стене. «Ну и ну! Как же тут бабкашка Вера ходит? — подумал он с изумлением.

Он нажимал кнопку звонка и улыбался. Его радвали эти сырры день, пугае двори, перерешептые бумажками летящими сюда. Это была Москва, московская квартира. Двором в восточную сторону шли другие на Палашевский рынок. Игорю свернал направо, в тушничкой двор, и подошел к подъезду. Это был, впрочем, не подъезд, а небольшая, довольно грязная и старая, много раз крашенная дверь с железными ручками, лестница за ней была такая же грязная и старая, она поднималась наверх, в квартиру. Лестница отбегала полосу вертикальное пространство, такое узкое, что если бы кто-то вздумал копать тут ступы с жизнью, то должен был бы делать это спиной, сойдя лицом. На третнем этаже была выбита ограда, и она была вышита как образом; Игорю промелькнуло несколько ступеней с осторожностью, приблизившись к стене. «Ну и ну! Как же тут бабкашка Вера ходит? — подумал он с изумлением.

Он нажимал кнопку звонка и улыбался. Его радвали эти сырры день, пугае двори, перерешептые бумажками летящими сюда. Это была Москва, московская квартира. Двором в восточную сторону шли другие на Палашевский рынок. Игорю свернал направо, в тушничкой двор, и подошел к подъезду. Это был, впрочем, не подъезд, а небольшая, довольно грязная и старая, много раз крашенная дверь с железными ручками, лестница за ней была такая же грязная и старая, она поднималась наверх, в квартиру. Лестница отбегала полосу вертикальное пространство, такое узкое, что если бы кто-то вздумал копать тут ступы с жизнью, то должен был бы делать это спиной, сойдя лицом. На третнем этаже была выбита ограда, и она была вышита как образом; Игорю промелькнуло несколько ступеней с осторожностью, приблизившись к стене. «Ну и ну! Как же тут бабкашка Вера ходит? — подумал он с изумлением.

Он нажимал кнопку звонка и улыбался. Его радвали эти сырры день, пугае двори, перерешептые бумажками летящими сюда. Это была Москва, московская квартира. Двором в восточную сторону шли другие на Палашевский рынок. Игорю свернал направо, в тушничкой двор, и подошел к подъезду. Это был, впрочем, не подъезд, а небольшая, довольно грязная и старая, много раз крашенная дверь с железными ручками, лестница за ней была такая же грязная и старая, она поднималась наверх, в квартиру. Лестница отбегала полосу вертикальное пространство, такое узкое, что если бы кто-то вздумал копать тут ступы с жизнью, то должен был бы делать это спиной, сойдя лицом. На третнем этаже была выбита ограда, и она была вышита как образом; Игорю промелькнуло несколько ступеней с осторожностью, приблизившись к стене. «Ну и ну! Как же тут бабкашка Вера ходит? — подумал он с изумлением.

Он нажимал кнопку звонка и улыбался. Его радвали эти сырры день, пугае двори, перерешептые бумажками летящими сюда. Это была Москва, московская квартира. Двором в восточную сторону шли другие на Палашевский рынок. Игорю свернал направо, в тушничкой двор, и подошел к подъезду. Это был, впрочем, не подъезд, а небольшая, довольно грязная и старая, много раз крашенная дверь с железными ручками, лестница за ней была такая же грязная и старая, она поднималась наверх, в квартиру. Лестница отбегала полосу вертикальное пространство, такое узкое, что если бы кто-то вздумал копать тут ступы с жизнью, то должен был бы делать это спиной, сойдя лицом. На третнем этаже была выбита ограда, и она была вышита как образом; Игорю промелькнуло несколько ступеней с осторожностью, приблизившись к стене. «Ну и ну! Как же тут бабкашка Вера ходит? — подумал он с изумлением.

Он нажимал кнопку звонка и улыбался. Его радвали эти сырры день, пугае двори, перерешептые бумажками летящими сюда. Это была Москва, московская квартира. Двором в восточную сторону шли другие на Палашевский рынок. Игорю свернал направо, в тушничкой двор, и подошел к подъезду. Это был, впрочем, не подъезд, а небольшая, довольно грязная и старая, много раз крашенная дверь с железными ручками, лестница за ней была такая же грязная и старая, она поднималась наверх, в квартиру. Лестница отбегала полосу вертикальное пространство, такое узкое, что если бы кто-то вздумал копать тут ступы с жизнью, то должен был бы делать это спиной, сойдя лицом. На третнем этаже была выбита ограда, и она была вышита как образом; Игорю промелькнуло несколько ступеней с осторожностью, приблизившись к стене. «Ну и ну! Как же тут бабкашка Вера ходит? — подумал он с изумлением.

Он нажимал кнопку звонка и улыбался. Его радвали эти сырры день, пугае двори, перерешептые бумажками летящими сюда. Это была Москва, московская квартира. Двором в восточную сторону шли другие на Палашевский рынок. Игорю свернал направо, в тушничкой двор, и подошел к подъезду. Это был, впрочем, не подъезд, а небольшая, довольно грязная и старая, много раз крашенная дверь с железными ручками, лестница за ней была такая же грязная и старая, она поднималась наверх, в квартиру. Лестница отбегала полосу вертикальное пространство, такое узкое, что если бы кто-то вздумал копать тут ступы с жизнью, то должен был бы делать это спиной, сойдя лицом. На третнем этаже была выбита ограда, и она была вышита как образом; Игорю промелькнуло несколько ступеней с осторожностью, приблизившись к стене. «Ну и ну! Как же тут бабкашка Вера ходит? — подумал он с изумлением.

Он нажимал кнопку звонка и улыбался. Его радвали эти сырры день, пугае двори, перерешептые бумажками летящими сюда. Это была Москва, московская квартира. Двором в восточную сторону шли другие на Палашевский рынок. Игорю свернал направо, в тушничкой двор, и подошел к подъезду. Это был, впрочем, не подъезд, а небольшая, довольно грязная и старая, много раз крашенная дверь с железными ручками, лестница за ней была такая же грязная и старая, она поднималась наверх, в квартиру. Лестница отбегала полосу вертикальное пространство, такое узкое, что если бы кто-то вздумал копать тут ступы с жизнью, то должен был бы делать это спиной, сойдя лицом. На третнем этаже была выбита ограда, и она была вышита как образом; Игорю промелькнуло несколько ступеней с осторожностью, приблизившись к стене. «Ну и ну! Как же тут бабкашка Вера ходит? — подумал он с изумлением.

Он нажимал кнопку звонка и улыбался. Его радвали эти сырры день, пугае двори, перерешептые бумажками летящими сюда. Это была Москва, московская квартира. Двором в восточную сторону шли другие на Палашевский рынок. Игорю свернал направо, в тушничкой двор, и подошел к подъезду. Это был, впрочем, не подъезд, а небольшая, довольно грязная и старая, много раз крашенная дверь с железными ручками, лестница за ней была такая же грязная и старая, она поднималась наверх, в квартиру. Лестница отбегала полосу вертикальное пространство, такое узкое, что если бы кто-то вздумал копать тут ступы с жизнью, то должен был бы делать это спиной, сойдя лицом. На третнем этаже была выбита ограда, и она была вышита как образом; Игорю промелькнуло несколько ступеней с осторожностью, приблизившись к стене. «Ну и ну! Как же тут бабкашка Вера ходит? — подумал он с изумлением.

Он нажимал кнопку звонка и улыбался. Его радвали эти сырры день, пугае двори, перерешептые бумажками летящими сюда. Это была Москва, московская квартира. Двором в восточную сторону шли другие на Палашевский рынок. Игорю свернал направо, в тушничкой двор, и подошел к подъезду. Это был, впрочем, не подъезд, а небольшая, довольно грязная и старая, много раз крашенная дверь с железными ручками, лестница за ней была такая же грязная и старая, она поднималась наверх, в квартиру. Лестница отбегала полосу вертикальное пространство, такое узкое, что если бы кто-то вздумал копать тут ступы с жизнью, то должен был бы делать это спиной, сойдя лицом. На третнем этаже была выбита ограда, и она была вышита как образом; Игорю промелькнуло несколько ступеней с осторожностью, приблизившись к стене. «Ну и ну! Как же тут бабкашка Вера ходит? — подумал он с изумлением.

Он нажимал кнопку звонка и улыбался. Его радвали эти сырры день, пугае двори, перерешептые бумажками летящими сюда. Это была Москва, московская квартира. Двором в восточную сторону шли другие на Палашевский рынок. Игорю свернал направо, в тушничкой двор, и подошел к подъезду. Это был, впрочем, не подъезд, а небольшая, довольно грязная и старая, много раз крашенная дверь с железными ручками, лестница за ней была такая же грязная и старая, она поднималась наверх, в квартиру. Лестница отбегала полосу вертикальное пространство, такое узкое, что если бы кто-то вздумал копать тут ступы с жизнью, то должен был бы делать это спиной, сойдя лицом. На третнем этаже была выбита ограда, и она была вышита как образом; Игорю промелькнуло несколько ступеней с осторожностью, приблизившись к стене. «Ну и ну! Как же тут бабкашка Вера ходит? — подумал он с изумлением.

Он нажимал кнопку звонка и улыбался. Его радвали эти сырры день, пугае двори, перерешептые бумажками летящими сюда. Это была Москва, московская квартира. Двором в восточную сторону шли другие на Палашевский рынок. Игорю свернал направо, в тушничкой двор, и подошел к подъезду. Это был, впрочем, не подъезд, а небольшая, довольно грязная и старая, много раз крашенная дверь с железными ручками, лестница за ней была такая же грязная и старая, она поднималась наверх, в квартиру. Лестница отбегала полосу вертикальное пространство, такое узкое, что если бы кто-то вздумал копать тут ступы с жизнью, то должен был бы делать это спиной, сойдя лицом. На третнем этаже была выбита ограда, и она была вышита как образом; Игорю промелькнуло несколько ступеней с осторожностью, приблизившись к стене. «Ну и ну! Как же тут бабкашка Вера ходит? — подумал он с изумлением.

Красота родной земли

ДВИНА- РЕКА СЕВЕРНАЯ

НА ПРОСТОРЕ ДВИНСКИХ ПЛЕСОВ.

Алексей НИКОЛАЕВ,
Василий МИШИН [фото]

Сысокого и круглого берега на изгибе реки видно так далеко, как только можно увидеть землю, стоя на земле. Но сразу оглядывается здесь человек, привыкший к каменным городским шорам, ибо ничто не остановит взгляда, пока сам он не положит себе предела в этом распахнутом северном просторе.

Вода смыкается с небом, и плывут по нему облака, а там, другие, а потом, граде облаков уходят за выгнутой дугой простор. И, верно, от привычки человека, остававшегося наедине с природой, с красотой родной земли, вопрошаешь прошлое, сама собой приходит здесь мысль, что и ты видишь сейчас все так, как первый новгородец, которого неслепотная русская душа позвала с волжских берегов обживать неведомую северную реку. Так же далеко уходят песчаные откосы убегающих берегов и круто обрываются в седмидесятилетнюю воду, там же жалеют твердые, сглаженные водой откосы, а за зелеными длинными островами взблескивают на солнце протоки, спят в опуши немалы тучки старцы, и до синевы томят зеленые увалы лесов, окаймленные по краю изумрудными понятиями со сплюснутым блеском чарусы, расстаются только затем, чтобы начать и пустить

У КАЖДОГО ПРИТОКА СВОЯ СТАТЬ,
СВОЙ ХАРАКТЕР.

встать с подушки, чтобы подойти к картинам ближе. Когда-то это их видел, но совершенно забыл, и теперь они всплывают в памяти — вот старик с цилиндром, женщина в пыльном белом платье с такой тонкой талией, что женщина была похожа на ласочные часы, порт Баратинский, вид города Пармы. Все эти картины принадлежали исчезающему времени, тому марковому лету за три года перед войной, когда он гостил в Шабанове, в музейной усадьбе. Дача в Серебряном бору тогда уже не существовала, и бабушка попросила тетю Дину узнать его на лето к себе. А Женя уехала тогда с другой родственницей на Украину. Тети Дина жила в своей усадьбе композитора, в маленькой комнате на первом этаже, с окнами в сад, старой темной сад со столетними ольхами, с липовой аллеей, опущающейся к реке; на дужавке по утрам стояли художники, бледная женщина с надменным лицом, и пылали кусты сирени, они были на холсте розовые, хотя давно отцвели, а небо почему-то желтовало, но Игорь не решился спрашивать, что это значит. Он спускался по музейным залам, где потрескались сами собой полы, где в шкафах за стеклом блеснули старинные перелеты; вечерами на открытой веранде или чай из самовара, всегда на столе были подогреты белые булочки и черносмолиновое варенье, и вычурный племянник композитора, очень похожий на него, с такой же бородой, рассказывал о том, как жили в Париже перед первой мировой войной... Были и другие люди, они тоже рассказывали интересные истории, был один музыковед, пыливый, но добрейшая душа, был австриец, бежавший из Вены от фашистов, он умел держать гарелку на зуб, и он ухаживал за художницей с надменным лицом, а тети Дина играла на рояле «Времена года». Иногда очень редко, приезжала Марина на велосипеде. Она мало занимала Игоря. Ему шел тринадцатидесять, а ей девятнадцатилетняя, она была толстая, нахальная, всегда с нем был кавалерий. Шабаново она называла «деревней». Тети Дина страдала на все, говорила, что она «с фокусника». А Игорю нравилось жить в музейной усадьбе, сидеть до ночи за столом на веранде — вот только комары доносили «и слушать малопонятные разговоры. Однажды он слышал, как тети Дина и вычурный племянник композитора о чем-то спорили на скамейке в саду, тети Дина сопротивлялась, тот ее успокаивал и вдруг закричал на Игоря: «Что за наперв торчат, радом, когда взрослые разговаривают!» Прошло несколько дней. Игорь с музыковедом ходили гулявать — как раз тогда Игорь выронил в воду свои ботинки, когда переплывала речку, и музыковед спас их — нырнул и достал...

— Такой стал Горик? Ого! Потрясающе! — Игорь увидел бледную, с большим носом, рыжеволосую девушку, стоящую в дверях прихожей. На девушке был халат с кистями, она держала руки скрещенными на груди, обнимая ладонями худые плечи, словно ей было зябко. — Никогда бы тебя не узнала...

— Я тоже была... — Он закутался, почувствовал, что говорит что-то не то, но все же музеевскому закончил: — Наверное, не узнал бы!

— Так ужасно и изменилась?
— Нет, но тети Дина... Вы же болелее...

— Да, да. Я болела. Совсем забыла, что я болела... Она позвонила после до шестого. — Что тут было? Почему мама так орала на бедную бабушку? Игорь пожал плечами.

— Может быть, из-за этой очень смешной истории, которая случилась с твоим багажом? Мне бабушка рассказывала. Боже, это же драгоценнейшая история! Ее можно вспомнить всю жизнь и каждый раз получать удовольствие. Ты гений, Горик. Ты поступил гениально. — Приняв ладонь и губам, она расхохоталась. — Ах, как жаль, что тебе не удалось все-таки опоздать на свой поезд...

Тети Дина вышла из кухни, неся на подносе чаше, открытые полотенцем.

— Зачем ты испала? — спросила она дочь. — Я ишу тебе шитье и लेकर сто.

— А зачем ты кричала? Я думала — трагедия, воздушная тревога или Бочкин вертухос. Ты меня разбудила. Я спала!

Последнюю фразу она произнесла с вызовом и прошла мимо матери и мимо Игоря в ванную, горделиво подпала свой большой нос и расплусил движением головы рижные волосы. Игорь почувствовал, что между матерью и дочерью есть какая-то напряженность и он неожиданно и невольно эту напряженность, почему-то усилить.

Тети Дина сказала, посмотрев на него со слабой улыбкой:
— Вот чепуха, правда ли? Какие чепуханы в голове, а немцы на Волге, Ленинград в окружении... Ты помини Свирицкого? В Шабанове он жил одно лето вместе с тобой. Ленинградский музыковед, чудный человек. Погиб в августе под обстрелом. Иди сюда, я покажу, где ты будешь спать...

Из ванной раздался крик Марины:

— Постели мне в моей комнате на кушетке! Мы будем с ним разговаривать!

— Ай, иди ты! — Тети Дина с досадой махнула рукой. — Он рабочий человек, а ты бездельница. Он будет вставать в шесть утра. Идем, Горик...

Справа по коридору были две двери. Игорь вошел вслед за тетей Диной в первую. Увидел комнату и вспомнил, что близко под окном должен быть виден желтый свод крыши, но теперь окно было закрыто черной, светомаскировочной бумажкой. Бабушка Вера сидела за столом и, держа у глаза лупу, читала книгу.

узором расписывают тускнеи и короба — искусство в родном немем приблизился к тому лучшему, что создано на берегах Двины прежним поколением. Не в этом ли лучшее подтверждение безоговорочного и исторического отношения и традиция в нашем искусстве!

Впечатление от этой прекрасной русской реки складывается не только из ее своеобразной природы, неповторимых пейзажных эскизов, хранимых в возрожденческой традиции. Само понятие красоты родной земли в наш век не может существовать без современности, которая и здесь, на Двине, властно вторгается в то, что принято называть красотой восточ. Век нынешний и век минувший сливаются здесь с той же природной естественностью, как и притики, питающие эту могучую реку.

Безосмысленные теплоты и стремительные «ранты», курсирующие по Двине, только являе подчеркивают величавое естественное величие берегов: новые истинные мосты торжественным разворотом позвоний над Двиной в нижнем ее течении, не только «вписываются» в пространственный пейзаж, но и высказывают своих конструкций, выходящих из творческой мысли утверждая новую красоту этого исторического прерванного реки в строящихся сейчас по всем правилам современной эстетики речной вокзал в Архангельске придает новую великопилюную грань этому старинному городу...

Дунал в оба века этом, воз на берегу двинского берега. Из сухого, прегретого за день бора слышим густой запах брусники. Река плавно обгоняет медлительные отплыи и отражает сполна юный год обласов с чистым розовым оттенком от клонящегося к закату солнца. Только странно кажется, что начиня тропическим жаром, в этом сполнаю просторе. И вдруг все меняется и как всегда на Честере, кажется, в одну минуту. Честере розовым блеск облаков быстро ардет, становится багровым и заливается в колодедном сиянии шесте. Невесть откуда налетела фиолетовая.

Жили еще, оказалось, в старинных двинских селах мастера, которые, правда, и сами то мало знали, что древнее искусство может кому-то пригодится. К ним, к этим мастерам, устремилась энтузиастка, а была это сплыва молодая. Минта несл — сказали они и с энергией молодости и твердым сознанием важности дела,

не менее свойственным молодежи, принялась за обучение. Сначала в Архангельске, на проспекте Павлина Виноградова, на старом деревянном доме, висит табличка со скромной надписью: «Вспомогательное учебное». Работают здесь люди, не вышедшие еще из комсомольского возраста, и руководит ими художник

26-летний Коля Бугани, которому покладается от двинские мастера пришла любовь и народному искусству, счастливо подкрепленная знаниями, полученными в художественной училище. Теперь он руководит большим коллективом молодежи. С усердием и любовью режут они лапчатое дерево, яркими

с свинцовым тубеион туга, она отодвинула облака и легла по горизонту, все более наливаясь тропическим синим цветом. Цвет такой направленно-синий, что, кажется, выскочи она сейчас одну только нсиру, — и расколется надвое с диким треском весь этот холодеющий на ветру простор. Но простора здесь столько, что даже такая грозная гигантская туга не в силах скрыть его. И вот уже солнце зажгло изумрудом заречный холм с деревьями и всрыгнули нестерпимым блеском сияющей выемки догорающих крапостей. С заречной стороны, белой пеной рассекая еще густосинюю воду, быстро приближалась лодка.

У самого берега не глуша мотора, ларень бросает румпель и, по-молодому расклевывая лодку сильными ногами, выпрямляется во весь рост. Низкое, из-под тучи, солнце оранжево олапляет его лицо, и возбужденный голос радостно и раскатиисто звучит над рекой: — Эгэ-гэ-гей! Прокинулась гразанот!

Было в нем и во всем, что окружало его, столько жизненной силы и радостного молодого ликования, что навально подумалось: нет, никогда земля наша не оскудеет красотой и людьми, которые умеют понимать ее, любить и радоваться тому, что все это великое и прекрасное принадлежит нам.

«ПРЕДАНЯ СТАРИНЫ
ГЛУБОКОЙ...»

ИЗДАВНА ОДЕСЬ
СТАВИЛИ ДОБРОТНЫЕ
ШЕСТИСТЕНКИ.

СВЕТ ИЗ ПРОШЛОГО

***

Если Б действительно все было так просто.

Певучие ноты
Нам дарит земля...

Если бы и вправду, как в детских стихах:

Семь чистых и звонких,
Куда ни пойдешь,
Везде нахожи их —
В лесу и в саду.

Только почему-то не всякой находит эти семь звонких нот. А те, кто находит, находят каждый по-своему.

Но всего семь. А музыка, рожденная ими, бесконечна. Вот всего семь. А прозвучав, они вызывают и грусть, и радость, и печаль, и восторг.

Почему? Потому что музыка берет за душу!

Ее пишут композиторы. Но прежде чем написать, музыку нужно услышать. Как она ее слышат? Как рождаются те первые звуки, что впоследствии станут песней, оперой, симфонией? Почему композитор считает, что именно это, а не иное сочетание звуков наиболее точно передает его мысль? Тем более что музыка — такое сложное искусство, и объяснить ее содержание какими-то конкретными, материальными ассоциациями с абсолютной необходимостью. Все очень условно.

Так откуда же приходит она?

И почему именно эта, а не другая?

И сколько в ней личного «я» композитора?

И всегда ли предвещает нечто новое, что он хотел ею сказать? Сумел ли язык звуков донести до слушателя его мысли?

Андрей Павловку улыбается:

— На все это ты просто отвечаешь...

— Но вы композитор и, наверное, должны знать о музыке все...

— Как будто я своей собственной музыке не знаю всего. А о чужой говорить тем более трудно. Не всегда композитор знает, если можно так выразиться, «вырабатывает» музыку. Иногда он строит свой творческий процесс, но представляет внутренний поиск, рождение мелодии, понятия ассоциации, которые навеяли этот, а не иной мотив, почти невозможно. Это ощущение, интуитивное и зависит от очень многого. Даже у одного и того же композитора подобный процесс происходит по-разному.

— Хорошо. Если нам трудно говорить о поиске музыки «вобщем», так как у каждого пишущего ее он происходит по-разному, то, наверное, легче будет разобраться, как происходит этот процесс у конкретного композитора — Андрея Петрова.

— Но ведь и это пример будет типичным...

— Почему?

— Как композитор и развивался несколько иначе, чем другие. Поэтому то, что характерно для моей работы, совсем нетипично для творчества других. Иногда мне вообще кажется, что музыка стала деловой моей профессией. Иногда приходится говорить о ком-нибудь: он родился писателем (или ученым, поэтом, врачом)... меня в виду, что у человека было природное дарование, сиюминут и навеяло идею произведения. Может быть, чтобы стать композитором. Число — летчиков.

— Прошу прощения за столь нескромное сравнение, но о себе я не могу сказать, что музыка с детства была моей страстью. Играл на скринке, начал учиться в девять лет. Звезд не хватало. Только одно, заведомо разбитый путь — в консерваторию. В четырнадцать лет поступил в класс фортепиано.

— Но в школе в таком возрасте начинать учиться не принято на институте по музыке. Там что, разве не так же, музыка в это время мне ничего не приносила?

— И все-таки в девятнадцать лет вы были приняты в Ленинградскую консерваторию, а не в какой-либо другой вуз...

— В девятнадцать лет я уже твердо знал, чего хочу, и сделал для себя окончательный выбор. Конечно, в таком возрасте, как и в старшей средней школе, происшедшая за четыре года до этого. В эвакуации, в Ужгороде, мы жили очень далеком от консерватории, так что и видеть ее восторженно в глаза, что не страдало мое мальчишеское самолюбие (одноклассники не прощали ни одной провинции, а меня родители не пустили), и придумал теорию: кино — это не искусство, поэто-

му особого внимания не заслуживает. Тогда когда мы вернулись в Ленинград, я смог ходить в кино регулярно. Там уже случился тот первый фильм, увидевший много труд, был «Большой вальс». Он меня потряс. Все там у Иоганна Штрауса полюбилось, так легко, романтично и красиво, и что с со свойственной всем мальчишеским категоричностью решил: стану композитором. В 14 лет, почти не обладая ни какими музыкальными способностями, мечтать о профессии композитора — это, конечно, была абсолютная авантюра. И я в класс фортепиано соглашался ходить только потому, что понимал всю необходимость этого.

Сейчас мне кажется это забавным. Да и со стороны, наверное, выглядит комично. Но вот в четырнадцать лет я вбил себе в голову все настолько серьезно, что и представлял себе миноголо другого будущего. Меня с трудом, условно принимая, в музыкальные училища (это был год окончания войны, и в училищах был дефицит), и я стал учиться на композитора. Конечно, мне было очень трудно, и пришлось очень много сделать, чтобы поступить в школу четыре года в консерваторию, в класс профессора О. Евлахова.

— Хорошо. Пусть все у вас произошло случайно. Но тогда получается, что если бы вы не увидели фильма о Штраусе или он вам не понравился, то и не появилось бы желание самому писать музыку? Значит, не было бы композитора Андрея Петрова, не было бы вашей музыки?

— Тут что-то не так...

— Представьте, что так. Я понимаю, все это кажется несколько несерьезным. Но в первую очередь причины. В детстве, когда начал заниматься скрипкой, я в своей провинции встретил много интересных фраз. Марина, моя младшая сестра, пиювала, что эта музыка нравится ее. И плакала. Но конечно, это была детская реакция. Хотелось прервать надрывные мне уроки, а не влечением писать музыку. Тогда в пятнадцать лет поступил на композиторские отделения музыкального училища, начал освоение основы композиции. Но сначала же начал только в консерватории. Написал «Плюневский светит», симфоническую увертюру, а затем «Звездная степь», романсы на стихи М. Кармина. В 1953 году поступил в студию Дома культуры Горького ставит мой первый балет «Звездная Яблоновка». В 1953 году написал балет «Станционный смотритель». Запомнил не совсем симфоническая поэма «Рада и Донко». Все эти работы и мелал, с помощью той же Марины, познакомил Ореста Александровича Евлахова, великого человека профессионального композитора. Писал симфонические произведения, балеты, оперетты. После работы в кино меня часто приглашали писать музыку для фильмов. Уже принимал участие в музыкальных спектаклях, покаял, двух лет в театре филово...

— Андрей Павлович, а если бы не случай, который вы создали, сделав из композитора, какую другую профессию вы выбрали бы?

— Конечно не знаю. Я по своему характеру не человек, который бы выбирал профессию, а человек при всем моем уважении и этих профессиях. Меня бы в инженерно-конструкторском институте ИБ, где был один из моих старших товарищей, или какой-то проблемой или проектом. Выходила работа, где можно было проявить свое «я».

— Музыка — подходящая для этого область?

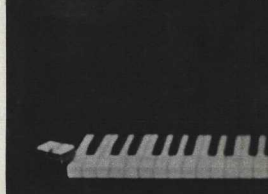
— Непосвященным очень трудно представить, как композитор создает свои произведения.

— Хотел бы говорить о том, как композитор это происходит по-разному. У меня во многом млет от интуиции, инстинктов. Я уже говорил, что интуиция стал заниматься довольно поздно. Творческий процесс происходит у меня очень нетележно, гораздо гуманнее, сложнее и медленнее, чем у многих моих коллег. Мне почти незнакома «легкость творчества».

Если объяснить, как «идеяется» музыка, то нашу работу можно сравнить с работой архитектора. У композитов тема, четкого замысла будущей вещи. Ее построение, развитие, структура. Чем дальше, тем все сложнее дается этот этап. Чем дальше, тем пойдут остальные. Потому что все продумано, отложено, выписано, записано. Я уже говорил, что музыка — это происходит не в кабинете, не у инструмента, а в душе, в будущем произведении и дома и на работе. Всюду.

Второй этап, самый трудный и мучительный, — это выделение мелодии, мелодический материал. Это, из чего после будет делаться музыка, ее основа, ее стержень. Мелодия — это стержень, стержень творчества, то второй специфично только для композиторов.

— Хотел бы вернуться к началу, к тому моменту, когда вы впервые услышали музыку. Хотел бы узнать сразу, экспрессивно. Вторая уже требует разума. Максимальная Ева Евлахова, который метров ленинградского композиторской школы, любил говорить: «Талант композитора раскрывается

Композитор Андрей Петров.

не в том, как он написал первые четыре такта, а как написал последующие четыре».

— То есть как он развил и продвинул музыкальную мысль.

— Сочинить и сокращенно написать весь основной музыкальный материал — самая трудная часть работы, но еще не конец ее. Теперь предстоит разработать музыкальные темы, сделать партитуру, где очень много утончаться, редактироваться.

— Есть композиторы, у которых идея произведения записана не только в самой теме, но главным образом в ее развитии. Тема является как бы фундаментом, а образ создается ее разработкой, где тема нередко преобразуется совершенно в новые образы. Это особенно свойственно музыке. Развитие ее уже не имеет такого важного значения. Это особенно свойственно музыке. Развитие ее уже не имеет такого важного значения. Это особенно свойственно музыке. Развитие ее уже не имеет такого важного значения. Это особенно свойственно музыке.

— Сколько вам приходится работать?

— Это зависит от этапа. Первый — обдумывание вещи в общих чертах — практически может длиться почти все время; с самого утра и до полуночи, независимо от обстановки.

— На второй стадии, требующей большого нервного напряжения, более трех часов вряд ли работать не удастся. Уставать. В лучшем случае во второй половине дня выдохнется еще пару часов, но больше.

— Всегда должно быть время осуждения. В заключительный период, где большой процент чисто технической работы (запись партитуры), работаете по десять — двенадцать часов в сутки.

— Вы закончили произведение. По каким признакам вы определяете, что оно готово к исполнению, что его можно вывести на сцену слушателя?

— Только личное ощущение...
— Но это слишком субъективное измерение.

Леонид ПЛЕШАКОВ

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

мы хотим получить признание в тех жанрах, которые, собственно, и оправдывают развитие и прогресс музыкального искусства... — а симфонии, в операх, в балетах. Здесь достигаю признания гораздо труднее, но оно и почетнее.

В 1964-м мне самодовольное сознание «Поэма памяти павших в блокаде Ленинграда» было выдвинуто на рассмотрение Государственной премии. При обсуждении моей кандидатуры кто-то сказал, что стоило бы и «Поэме» добавить и песни. При последующем обсуждении как-то так получилось, что первоначально выдвинутое произведение вообще опустили, а Государственную премию за 1967 год присудили за песни: «Голубые горы», «Песни о моем отце», «Песни о друге», «На кургане», «И шагаю по Москве».

Конечно, я рад, что они получили такую высокую оценку (и не исказившую) за труд, который я вложил в песни, я свое полюбил; их поют, став популярными, они и мне ими сделали известными. И Государственную премию ставили второй наградой за них.

— Вы сказали, что в своем творчестве вы идете от эмоциональных впечатлений. Но как трансформируются эти впечатления в мелодии?

— Я не могу этого объяснить. Это приходит само. Ты сам об этом не думаешь, а тебе вдруг говорит: «А ритм и первые такты песни «И шагаю по Москве» ты подслушал в автомобильных сигналах. Ты всегда гулял шаферами и уличными «пробками» — та-та, та-та».

Я предвещал — правда, похоже. Но раньше об этом и не думал.

Когда я принес режиссеру кинофильма «Путь и причал» свою «Песню о друге», он сказал:

— Мне нравится. Только усни, пожалуйста, это место, где бьют.

— Каким слышишь? — подумал я. — Ни разу их я не слышал, даже не издавая никогда не издавал в то время. Это просто зияющая в нем кулепта...

— По-моему, Андрей Павлович, слышали — та вещь, о которой любил говорить, но никто их не слышал. Сичнее на корнях армян объявляю по трансляции и в колокол не бьют...

— Но я не знаю этого. Я промолчал, а сам при оркестровке на ансамбль из народных инструментов (музыкальный инструмент). И незаметный андрей вышел на первое место в звучании песни. Музыка вообще была неважная вещь. Она может влечь тебя и увести совсем с другой стороны от твоего плана. Как-то я хотел написать шестнадцатую поэму для голоса, давай фортепьяно у ударных инструментов на стихи Вознесенского, Пастернака, Сельвинского, Натансона и Асеева. Это очень странно, тем более что я не вникал в содержание, и если бы мне раньше предложили писать музыку для двух фортепьяно, я бы отказался, потому что плохо чувствую ансамбль двух инструментов.

И вдруг...

И я стал допытываться, как это получилось. Промолчал и по поводу явного противоречия в его словах.

Он сказал как-то, что больше всех профессий он завидует профессиям кинорежиссера.

И объяснил: — В кинорежиссере должен очень много знать из самых разных областей искусства. Ему приходится работать с большим коллективом людей — актёры, операторы, художники, композиторы... и прежде чем создать свой фильм, нужно усвоить массу информации, которую труд всех слился в единое целое. Он момент в конце концов точно зафиксировал, и если бы в плене своего, что отсутствует у нас, композиторов: наш творческий успех во многом зависит от качества интерпретации нашей музыки. Я, например, когда бываю на съемках, всегда приниждаю, как бы сам на месте режиссера, и снимаю так и так, и так.

И кончил совсем неожиданно:

— Нет, режиссерам все-таки народ особый... Не то что композиторы. И в силу специфики своей работы неизменно получают о нем представление. И в отношении сферам культуры, искусства, науки; больше общается с людьми, в каких-то случаях — с людьми, которые имеют отношение к искусству. Мы мало живем. Целый день перед нами разный видный лист Гумбольдта. Он сам тот. Всего семь лет. Я еще думал с безумием...

И когда мы вышли к шоссе и в омидании автобуса ходили вдвоем, беря от нас, что он видел, что она все равно вместе с ним. И никуда ему от нас не уйти. Он вернется в теплый, скрипящий дом, и не бумажу ляжет первые четыре текста новой мелодии.

— Разумеется. Но ведь и произведение-то мое. И мне лучше знать, удалось мне выразить то, что хотел, или нет. И к тому же последнюю точку ставишь, когда переберешь несколько вариантов. Вы знаете мою песню «И шагаю по Москве»?

— Конечно.

— Тот вариант, который вы знаете (он вошел в фильм), был оригинальнее. Десять пришлось отбросить.

— А вы уверены, что именно этот, одиннадцатый, лучший? Не пятый, не девятый?

— Уверен. Кроме лично моих ощущений, есть довольно весомый критерий: из всех предположенных вариантов он больше всего понравился и режиссеру фильма, да и зритель его принял. В 1964 году эта песня вместе с баскервской «на безымянной высоте» поделила первое место из конкурсов «Лучшая песня года», организованном газетой «Советская культура».

— Ну, а если бы вкус слушателя не совпал с вашим мнением?

— Это нередко случается, и композитор должен быть всегда گوش к этому. У меня есть песня «Люди уходят в море» из стихов Юрия Панартова. Писал я ее для Задура Хила специально на конкурс песни в Рио-де-Жанейро. Я эту песню люблю, а критика ее не поддержала. Но мне она все равно нравится и, может быть, даже больше оттого, что ее не поняли, что судя о нем труднее, чем сказать, у объясненной всеми «И шагаю по Москве». Для меня было большой радостью услышать однажды по радио несколько добрых слов, сказанных Леонидом Утесовым в адрес «Люди уходят в море».

— И часто случается, что вас не понимают? — Часто говорю, я не могу пользоваться на свое композиторской судьбой. В основном мои произведения встречают доброжелательно. Ведь у нас, композиторов, часто бывает, что первое исполнение сочинения становится одновременно и последним. А мне чаще везло. Хотю, конечно, бывало, что не все у меня получалось, как я представлял, или не так понималось, как я хотел бы.

Вот хотя бы цитла «Песни наших дней», «Праздник у вертолета». Все вроде правильно, но слушатели приняты с холодом. Или «Догони, земля», где я сочетал русскую народную песенность с современным ритмом. Результат тоже был неплохим, популярность сочинения легкой музыки казалась не особенно достойной.

Ну и стал писать. Но получалась не симфония, а формальное заполнение мелодией заданной схемы, не получалась живой музыки. Шесть раз внутренне и работе над этим жанром, признанным и воплощением больших философских замыслов. И пришлось оставить эту работу.

— Андрей Павлович, вот и у вас прорвалось то, что мне приходится замечать у других композиторов, пишущих наряду с серьезной и легкой музыкой, песни. Когда им говорю, что их песни очень популярны, особенно если называешь их композиторами-песенниками, они обижаются. Они считают себя серьезными композиторами, и песенное творчество — вроде бы только незначительная и не главная часть их работы. А что плохого быть просто композитором-песенником? Особенно если твои песни нравятся...

— Я не верю тому, что некто-то заявляет, что популярность композитора-песенника его не волнует, а даже, наоборот, раздражает. Будем честными, популярность всегда приятна, и в наше время. Но в то же время нас можно понять, когда

Башня Солнца над шумной и многоязычной зрительной в Осане. Мучительное и торжественное восхождение из мертвой материи и высшим формам жизни и разуму; величественная лепнина эволюции. Бог создан человеком по своему образу и подобию, человек отплатил ему тем же. Этот мудрый афоризм должен приходиться на память, когда эссеист автор неслыханно раздробил причудливых афоризмов. Здесь, наверное, Бог всех времен и народов, грозные и милостивые, с лицами устрашающими и прекрасными. Мифология человечества. Его долгий сон, его прошлое. Все далеко и далеко уходит пестрые эволюции, и нималы высотам, и нималы свершениям. Торжество разума и гармонии, космическое будущее Земли. Это уже наша мифология, рожденная нашими предрассудками и трагическими восторгами.

Не случайно, очень не случайно то, что в числе тех, кто задумал этот величественный памятник истории побед и заблуждений человека, ведущие фантасты Японии. Начиная фантастика Уинчелло дитяще культуры нового века, мост между могучими путями познания — наукой и искусством. Впервые научные фантасты мира встретились за одним столом. И опыт, наверное, не случайно, что происходило это в Японии, в год Всемирного выставки. Фантастика оказалась правдой: человечество действительно превратилось в величественно.

Ермей ПАРНОВ

Рисунок Олега ВУКОЛОВА

ческий фактор. В этом можно было наглядно убедиться, побывав в напильных СССР и США. Но то, что фантастике — японской, земной и подводной, человек был воспринят одним из японских наемников, удивило даже научных фантастов. Конечно, не самых японцев, много сделавших для того, чтобы фантастика стала повсеместным элементом культурной жизни их страны.

Фантастика в послевоенной Японии действительно развивается исключительно бурно. Этот поразительный рост удивительно даже для страны с такими богатыми фантастическими традициями, как Япония. Советский читатель знаком с повестями Уэда Акинари «Луна в тумане», великолепной повестью о приключениях «Японской флотилии» Сайэйти Эито и повестью Аугустина Риоса «В стране водяных». Подобно читателю и творчество выдающегося современного фантаста Нобо Абу, создавшего «Четвертый ледниковый период», «Мешину в пелесак», «Вьюное лицо».

Вашему японскому фантасту можно сравнительно легко разделить на темена, характерные для фантастики европейской. Тут и эротический роман с приключениями, где сверхъестественное на поверу окажется мимамы, и странная тре-

тованная фантастика, граничащая с иррациональностью, близкая к Кафке и «Поминалам по Финнегану» Джойса, и тонкая аварелла, все сотканная из одного настроения, подобная некоторым рассказам Брэдбери, и почти классической роман-предупреждения. Но это только внешняя сторона. Как «Японской флотилии» ничего общего не имеет с романами Аины Радклифф, так «Четвертый ледниковый период» — явление чисто японское. Как природа с работы, японцы снимают европейский костюм, ботинки, галстук и передеваются в кицони и сандалы, так атмосфера исследовательского института, американизированные отношения, сигареты и виски являются только внешним нарядом романа Кобо Абу «Четвертый ледниковый период». Истинные отношения героев, их мораль, взгляды на жизнь, смерть и любовь — это есть все то, из чего складается душа человека, совсем иные, чем это может показаться при беглом зна-

Фантастика чужая планета

познаком и японском эванизм, составляет свыше 90 процентов мировой научной фантастики.

Какие же проблемы обурдвали в Токио и Нагоя фантасты Японии, Англии, США, Канады и Советского Союза? К чему они в итоге пришли!

Научная фантастика, еще совсем недавно считавшаяся литературой второго сорта, завоевала ныне необыкновенно широкую аудиторию. Научно-фантастические книги продаются большими тиражами, различные издательства выпускают альманахи и сборники, поспешно организуются клубы любителей фантастики. Как показали предостережения на симпозиумном обзоре, фантастика существует ныне во многих странах мира.

В чем же причина ее популярности? В остроумности? В стремительности развития действия и неожиданных развязках? Ведь именно эти качества сделали фантастику достойной оперничкой детектива. А может быть, есть нечто, делающее фантастическую литературу совершенно уникальной!

В настоящее время четко видны сдвиги, происходящие в фантастике за последние годы. Фантастика отошла от технологий и обратилась к точным наукам, философским и социальным проблемам. И это тесно связано с особенностями науки сегодняшнего дня. Открытие страных частей и регионов, поиск единой картины физики всего мира, проникновение в область пространства мегамира и в ультрамалые области элементарных ячеек, ферментативный синтез белка, расширение исследовательского горизонта, создание «яду» — машины, моделирование жизни и многое другое — все это наложило отпечаток и на сознание людей и, естественно, на литературу.

Секрет популярности научной фантастики не только в том, что она привлекает интерес к науке, но и в ее увлеченном молодом, знающим широкую общественность с научными методами познания, воспитывает научное мышление. Глав-

ный эффект ее воздействия заключается в вовлечении читателя в круг столкновения человеческих характеров, взглядов, стремлений. При этом конфликты размыгиваются не столько вопреки личным взаимоотношениям героев, сколько вопреки поискам лучших путей к истине. Все личное, малое отступает перед величием этой истины, на которую не может быть монополии, перед которой ординарно равны и академики и лаборанты. Атмосфера плана, напряженная, неэтикетная битва идей, наконец, сопереживание с героями — именно это расширяет перед читателем галактику мира, например, преступный путь, по которому могут быть направлены завоевательные науки. Мысли читателя, и прежде всего молодого, на страницах фантастических книг, а не пророчества по поводу развития науки через тысяч лет.

Многочисленные читательские конференции доказали, что благодаря фантастике значительная часть вечерних студентов была вовлечена в науку. Можно привести любопытные статистические данные: 40 процентов студентов студентов-физиков избрали своим специальностью по выбору тех или иных научных книг. 40 процентов молодых научных сотрудников — физиков, астрономов, астрофизиков впервые заглянули о будущей специальности в последние классы школы, прочитав «Умалость Алдредды и И. Ефремова. Это — знание времени. Научное творчество невозможно без полета фантазии, без логического исследования, без логического мышления, без осмысленных проблем. На роль фантастики в выборе своего научного пути неоднократно указывал пионер заведования Циолковский, именно этой фантастикой упоминания на пресс-конференции космонавтов.

Фантастика, как правило, отражает сегодняшний день науки независимо от века, в котором протекает действие произведения. Основным герои

номстве. И плоч и ним — японская классика, японская культура, японский характер.

Но Нобо Абу отойдя от традиционализма, искусство замаскировалось под новатора в «западном» стиле. Оно действительно новатор, в том числе и в научной фантастике. Ведь конфликт «Четвертого ледникового периода» выходит далеко за рамки конфликтов его героев. Это не частная проблема, даже не узко японская проблема. Нобо Абу исследует вопрос общепланетарного значения. Если можно коротко сформулировать его, то он звучит так: «Готовы ли люди и астроны и будущим?» Этой проблеме суждено было занять главное место на Токийском симпозиуме.

Представители пяти стран собрались в Токио, чтобы обсудить мировые проблемы научной фантастики. Это мало по сравнению с 90 странами-участницами ДЖИПО-78, но все же Токийский симпозиум был подлинным всемирным форумом, ибо литература, которая выходит на русском, англ-

фантастика — ученые нашего времени, люди, с которыми встречаются герои фантастики: на заводе, институтской ферме, в учебном заведении или больнице. Воображение писателя наделяло их волшебной властью над пространством и временем, жизнью и мертвой природой. Эти люди могут делать то, что делают или только мечтают совершить наши современники. Есть лишь одна существенная разница. Герои фантастических произведений все делают гораздо лучше и быстрее, а зато они способны творить чудеса, вполне объяснимые, однако, постулатами воображаемых наук будущего. Поэтому читатель может проследить весь путь научной идеи от ее возникновения до конкретного воплощения в книге, то есть совершенно фантастическую форму. И не так уж важно при этом, в каком точно виде действуют эти знакомые и понятные люди.

И если фантастика, как литература, почти что не задается целью популяризации научных идей, то в своей внутренней логике, в принципе анализа она непосредственно приближается к науке. Для нее характерно как бы размышление вслух о путях и превращениях идей. Писатель-фантаст всегда ставит эксперимент. Даже если это всецель эксперимент, что характерно, скажем, для юмориста Смиты Хоси, или трагического, как это часто имеет место в творчестве Фредерика Пола, представляющего на симпозиуме фантастов Америки.

Нельзя упрекать писателя за якобы ненаучность посылок. Теория относительности запрещает путешествие в прошлое, однако мысленно времени давно уже стала традиционным атрибутом фантастики. В одном из рассказов Сант Комачу — президента Всемирного симпозиума и величайшего фантаста Японии — существует даже постоянно действующий туннель из современности в эпоху Эдо. Но путь развития фантастической посылки уже не должен грешить против истины. Здесь творец ставит самую строгую достоверность. Точно так же обстоит дело и с конечными выводами. Они целиком основываются на характере посылки. Поэтому они предполагают однозначность решения, его доказанность. И здесь любая ошибка, любая не-

она иногда не станет наукой. С этим, думаю, в фантастике и в ее истории все обстоит иначе. Наука. Даже такой «фантастической» технократ, как Артур Кларк, предсказавшая в свое время спутник связи.

Сближение науки и искусства — характерная тенденция нашего века. Оно идет сразу по нескольким направлениям. И если сегодня, к примеру, анализом поэтики Пушкина и Маяковского успешно стали заниматься металитературно, то можно только гадать, в какой форме выйдет рождающаяся на наших глазах научная эстетика. С ее превращения мы встречаемся повсеместно. От исследователя часто можно услышать слова вроде «красивая формула», «изумительный вывод», «новаторский эксперимент». Это не случайное сочетание слов. Пол Дирак, получив свою знаменитую формулу, открывшую окно в антимир, долго сомневался в ее физическом смысле. Но формула была красивой, и, как говорит, это только дело. Величайшая формула квантовой механики прошла проверку эстетикой!

Фантастика вносит в научную проблему недостоверный или человеческий элемент. Она становится или должна стать своеобразным эстетическим зеркалом науки. Так, И. Ефремов считает, что в фантастике ученые увидят то, что иногда трудно осмыслить ни самим, — действие их открытий и опытов в жизни и в человеке, причем не только положительное, но иногда и трагическое вредное.

В последнем случае имеется в виду так называемый «роман-предупреждение». Этот вид литературы, блестящим представителям которого на симпозиуме были Джерри Меррилл (Ньюфаундленд) и Брайан Олдис (Великобритания), имеет давние традиции. Еще Джек Лондон фантастически гипертренирует в романе «Железная пята» совершенные ему тенденции американской мысли, предупреждая о грядущем тоталитаризме финансово-олигархич. Поэтому вряд ли правы те, кто называет «роман-предупреждение» детством атомного века. О чем бы ни говорилось в таком романе — об атомной войне или об угрозе восхождения надцима, о механизации человечества или просто о негативных сторонах отдельно взятого

вызвали их произведения, они буквально толпу среди овалов человека иного рода. На Западе его называют «неисточник».

«Неисточник» фантастика — это булварщина, наполненная призраками, чудовищами, катастрофами, убийствами, порнографией. Мутный поток «Бэм», «Экс» и «Юл» приливом с одной стороны, отлущив читателя, посясть страх и неверие в свои силы, в возможность предвидения и управления будущим.

«Бэм» — это литература так называемых ужасов и чудовищ. Она наполнена страшилками, чудовищами, насекомыми, которые либо обрушаются на Землю из космоса, либо подстерегают исследователей на далеких планетах.

Литература, скорее говорящая, сугубо научных ученых, «Экс» в разных видах воссоздает мифы, совершившие страшное научное открытие, грядущее уничтожение планеты, полным исследованием средней планеты, одним из видов атомного чина, который тоже получил нашедшее название литературы катастроф. «Юл». Здесь сверхъестественные взрывы сверхновых звезд уничтожают цивилизации, здесь сияет пространство, аннигилирует вещество, ломаются планеты, миры сталкиваются с кометами из антиматерии. Часто подобные кошмары являются не чем иным, как возродившимся на атомном и космическом уровне средневековых фантастик. У английского писателя Люиса Бог сражается с Сатаной на обитаемых планетах Солнечной системы. У американца Уолтера Миллера (роман «Гимн Лейбниту») из испепеленной атомной катастрофы Земля первой возродится... римско-нацистическая чернушка.

В таких произведениях проводится зашифрованная идея о том, что будущее нельзя конструировать по воле человеческой и оно неизбежно, как злой рок, несет людям трагическую кончину. Эта идея имеет определенную генетическую связь с антиитаризацией капиталистических стран. Смысл не мутарен: если наука создаст оружие, да отведет свои лучшие силы на создание новых видов вооружения, то вряд ли будущее внесет изменения в сложившуюся ситуацию. Дух обреченности порождает воплод романа, повестей, рассказов, в которых планета Земля гибнет, объявля атомным пламенем войны.

С другой стороны, «неисточник» фантастика пытается представить, что если будущее не несет столь обременительных и пагубных мыслей, считать существующий порядок вещей наиболее благоприятным и надежным, сохранить настоящее и продлить его неизменным на многие века. Социальный риншет этой фантастики заключается, таким образом, в приращении социализма к социалистическому строю. Перечернутое будущее — это, пожалуй, самое черное из ее деяний.

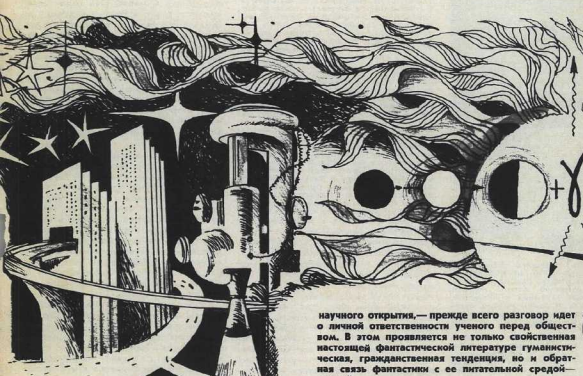
Советская фантастика всегда была пронизана духом оптимизма. И если говорить о связи формирования научного мышления с фантастикой, то особенно следует сказать о жизнеутрачивающем характере лучших произведений советской фантастической литературы.

научного открытия, — прежде всего разговор идет о личной ответственности ученого перед обществом. В этом проявляется не только свойственная настоящей фантастической литературе гуманистическая гражданственная тенденция, но и обратная связь фантастики с ее питательной средой — наукой.

Но «роман-предупреждение» лишь тогда достигает своей цели, когда он не просто показывает зло, но вскрывает его социальные корни, активно с ним борется.

На Токийский симпозиум приехали виднейшие фантасты Англии и США. Советские читатели довольно хорошо знакомы с их творчеством. Достаточно упомянуть того же А. Кларка. Большинство произведений которого переведено на русский язык.

Многого можно было бы сказать об индивидуальности творческой манеры этих прогрессивных писателей, о различиях в видении мира и оценках тех или иных событий. Но сегодня создаются несколько парадоксальная ситуация. Дело в том, что и Кларк, и Олдис, и Пол, и Джерри Меррилл, несмотря на все индивидуальные особенности их творчества, одинаково нетипичны для западной фантастики. Сколь бы громадными тиражами им

точность могут стать роковыми. Стоит угрешить доверие читателя даже на незначительном эпизоде, и не спасту тогда ни острый сюжет, ни блистательное описание далеких миров.

С другой стороны, точное и достоверное развитие даже самой противоречащей очевидности посылки не противоречит принципам научной фантастики. Такой пример характерен и для науки. Естественно, что многие авторы пользуются и разветвленными идеями от противного и производят идеи абсурда. Удобописание художественного произведения геометрическим теоремам, конечно, не предполагает полной аналогии между ними. Речь идет лишь о внутренних выкладках в методе. Принципы же здесь совершенно различные. И научная фантастика всегда будет оставаться литературой,

льду, в 1963-м, осталось четверо, остальные ушли из сборной трехкратными, четырехкратными пятикратными чемпионами. Юринов стал чемпионом мира во второй раз.

В том сезоне два у динамовцев складывались тяжело. А потом, когда, казалось, все потеряно, игра вдруг пошла. В морозный декабрьский вечер на своем стадионе динамовцы обыграли «Спартак», что не случилось уже давно, и в выходные «Футбол—хоккей» позвал Юринова, да, наверное, не в меру пылко, потому что оставшая игра на каком-то Старинном и не без ожидания спросил: «Как же так... Юринов нас один обыграл!»

Юринов в тот вечер будто помолодел лет на пять и так же, как пять лет назад, самозабвенно и результативно атаковал — атаковал, а не защищался, и, пожалуй, впервые об обороне больше думал Старинном. После матча остановился он рядом, удивительно высокий на коньках, и вопреки всем своим правилам, предписывающим «сдержанность, улыбка», чувствовал счастливо и проносил записки: «Вот так-то...» И в чуть уловящих глазах светилась такая уделка, что тотчас я вспомнил наш разговор в ИГУ и обещание Юринова взять реванш.

В Стокгольме он поехал вне тройки, запасным, и сыграл только в двух матчах. Журналисты рассказывали потом, что переживал Юринов, просил ставить его чаще, но у тренеров было свое мнение. А на приеме после чемпионата Тарасов обнял Юринова и сказал сочувственно: «Спасибо за терпение! Надо же так сказать... Всегда поражается безжалостной точности тарасовских оценок.

Да, меньше научил Юринова быть терпеливым. И не только в спорте. Ведь нет ничего заманчивее, поучительнее, журналистские годятся за перо с единственным желанием самозабвенно увлечь в печать свое имя. Юринов не спешил. Раз в локте прессы во время матча зашел разговор о организмовской нетерпеливости — как мне так, на последний курс, а ни разу нигде не печатался. Каждый обещал это по-своему, а Евгений Рубин, обозреватель «Советского спорта», сказал: «Не сомневайтесь — пишет он до... Учится. Принесет, когда увидит, что начинать поучается». Позже я передал Юринову все разговоры о «пишущей мели?», а он ответил: «Июнчик, пишу» — и так хитро улыбался при этом, что я не понял, шутит он или говорит серьезно.

И вспомнилось мне, что как-то в телевизионной передаче нескольких динамовцев, и Юринова в том числе, сопереживая рассказывал об их тренерах. И тогда все, много раз слышанное о Чернышеве, было добросердечно переосмыслено, пришла очередь Юринова. «Завидую я Аркадию Ивановичу, — сказал он, — завидую его отношению с сыновьями, умению ненавязчиво ладить с ними, быть для них другом и добрым советчиком. Был бы счастливым, если бы меня с сыном все слоником так мек...»

Сыновья Чернышева были мне знакомы. Приходил на хоккей два высших, симпатичных парня, неуловимо похожие на отца. После слов Юринова, признаюсь, взгнул я на Чернышева другими глазами. Потому что, согласитесь, разные это вещи: тренировать прославленных мастеров и дружить с собственными, совсем взрослыми сыновьями.

И не решился я этим примером убедить кого-то в журналистских способностях Юринова, хотя бы лишь ответить умение мыслить ненаблюдно, рассказать что-то свое, точно подмеченное. «Главный хоккеист, заслуженный мастер спорта Владимир Юринов заканчивает факультет журналистики Московского университета. Поздравляю», — состоялась защита его дипломной работы на тему «Осажденные чемпионы мира по хоккею на страницах спортивной печати». Комиссия единогласно оценила работу Юринова на отлично.

Все ясно, подумал я, прочитав эту заметку в газете. Все ясно: ну, два сезона, ну, три — илюзия и концы будут отпущены навсегда. Останется радость переритого: белый примороженный лед, гул трибуны, непохожий азарт борьбы. И тут остается: не так все ладно получалось в поезде, кажется новая жизнь. И концы не будет вновь, не на площадке уже, а на газетных страницах, докладывать людям, казал это чудесная штука — спорт.

Наверное, только что закончившийся сезон, четырнадцать для Юринова в Большом хоккее, а многого должен был определить в дальнейшей его судьбе. Но сложился он необычно: «Динамо», долгие годы довольствовавшееся малым, вдруг вышло вперед, сбросив с привычных мест армейцев и спартаковцев. И надо было всеми силами лидерство сохранить, потому что для молодых динамовцев это, наверно, не один раз повторится, может быть, станет привычным, а для него или для Давыдова, например, это последний или, возможно, предпоследний шанс.

Я приехал и к нему в Новогорск в середине апреля, когда все уже понимали, что динамовцам не суждено стать первыми. Мы долго бродили по весеннему лесу и говорили только о хоккее. Когда я спросил нетерпеливо: «Что же дальше?», Юринов по-

Фото Владимир ЧЕЯШВИЛИ

жиал плечами или говорил что-то неопределенное. Но из бесконечных разговоров о шайках команд, о простовых матчах, о натиске ЦСКА узнал я, что прошедшей зимой по-настоящему почувствовал он впуск в трудный тренер. Но весь сезон помогал Чернышеву, а потом, когда был старшим тренер на чемпионате мира, самостоятельно руководил командой, что интересно ему работать с молодыми ребятами, особенно в плане психологическом — настройка на матч, разговоры по душам, что по-новому приспосабливается он к тренерам, не как игрок уже, а как молодой их коллега, и даже тетрадь завел, где выказывания тренеров, наиболее запоминающиеся, записывает. Узнал, что я для журналистики с трудом, но находится время, и начекал очерк о Мальцеве в журнале «Физкультура и спорт», пишет еще что-то, о чем пока говорить не хочет.

А потом, провожая меня на автобус, сказал: «...Нельзя, нельзя рано уходить из хоккея. Вот Майоров, например. Кан бы он сейчас еще играл. Ты поспешай на матч, сейчас одна граммла лишний». А скорость какая. Нет, не надо спешить... Я напомнил ему, как шесть лет назад собирался он бросить хоккей. Володя рассмеялся.

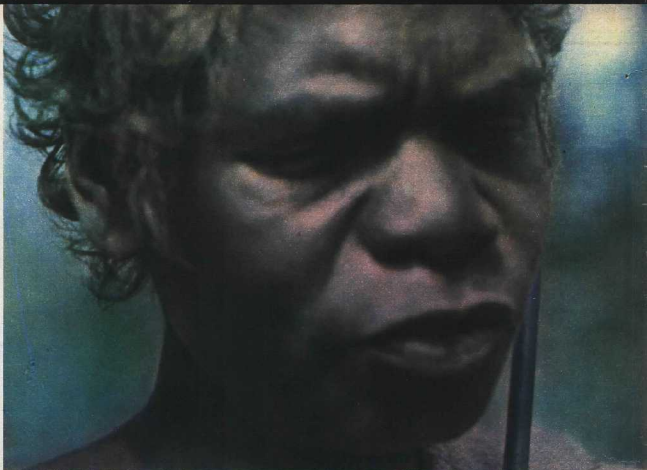
Слишком уж просто понимал я Юринова. И его слова о реванше понял слишком прямолинейно: поехать в сборную — только. А за обещанием этим скрывались задачи, пусть менее ярые, но для выполнения сложные nonetheless: не потеряться в целом неудач, суметь сохранить чувство собственного достоинства, победить все колебания свои, утвердиться безоговорочно в мысли, что спорт — главное в жизни, хотя и приносит он не только радость, но и боль.

«...Шайбу забросил Владимир Юринов!» Катится к центру поля, вскинув руки, не скрывая радости, динамовский хоккеист под номером 17. И вспоминаются вновь мудрые тарасовские слова: «Спасибо за терпение!»

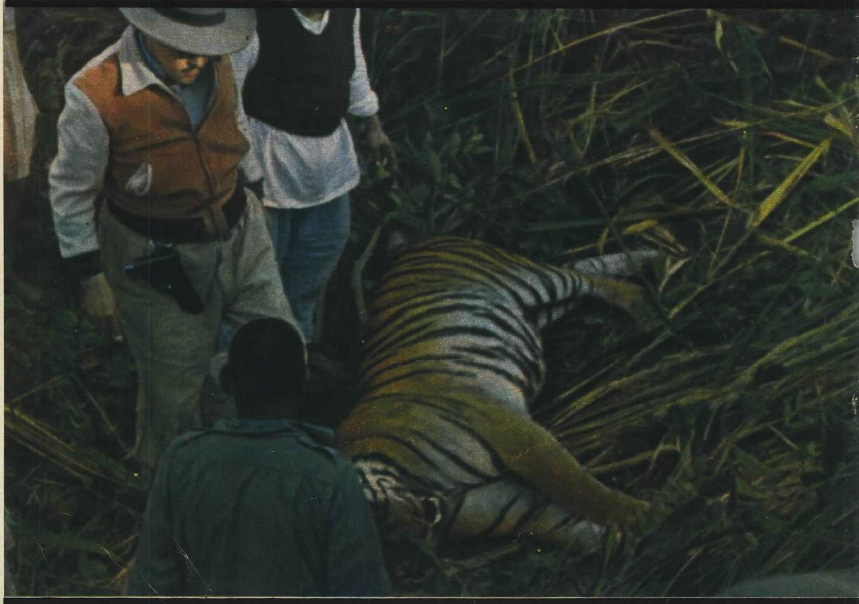

ПРИ
КАЮ
ЧЕНИЯ
XX
ВЕКА

Кадры из кинофильмов Георгия Асатиани: старейшина племени варинглов (Австралия); финал Королевской охоты на тигра.

к Ленке, очевидно. Гусев мог и продать его, но тогда бы у него оказалась деньги. А сумма, которую Гусев и Чуприн, прибавив к тому, что Чуприн получал за машину, подарил Гусеву тоже не мог, с Чуприным они знакомы не были. Только у мертвого мог Чуприн забрать гашиш.

Напомним, третий убитый, Нож, ни принадлежит Чуприну. Это точно доказано современно убийство. Это тоже доказано. Кроме того, его нашли возле дома, где Чуприн жила, как раз по пути от места убийства. Но Ленка утверждает, что это ни по логике. Собственно говоря, эти убитые были бы она была единственной, малое чего стоит. Нож мог находиться в чужих руках. Но вместе с другими эта убитая работает. Тут ничего не скажешь. Видно, убийство доказано. Видно, доказаны боевые действия и мотивы убийств. Чуприну нужен был наркотик, он его всюду искал, он мучился. И Гусев предложил купить. Это был еще он вознагнул гадость в карманы! А у Чуприна денег не было. Да, мотив очевиден.

Сергей был поспешно на часах. Дало же он сидит. Тут только Сергей обратил внимание, что за все утро его никто не побеспокоили, не раздалась ни одного звонка. Молодцы, дают спокойно поубавать! Это Нурияманов, конечно, поубавится. Но теперь придется его побеспокоить. Сергей нужен Чуприну, он уже тотчас к первой встрече. Но обидеть Сергея не пойдет. Только заменит чай.

Сергей позвонил Нурияманову и попросил прийти к нему Чуприна. Затем встал в сейф бумаги, Корнухов вышла в коридор. Надо хотя бы прогуляться по городу. У него есть час времени.

Сергей вышел из кабинета, Гусев вошел в кабинет к Сергею, привычно заложил руку за спину, тощил, с жалостью, высоким лицом, дробная кожа складками висела на выдохе щеки и неестественно тонкой шеи. Его сапсы пощипывала пока он пересек кабинет, и уже совсем бесформенный, он плутокнул на стул. «Ему только девятнадцать лет, этого старикун...» с горечью подумал Сергей.

— Ну что же, давай знакомиться, Леонид, — сказал Сергей, нервно закурил, и привагнул плечу Чуприну: — Хотите?

— Можно...
Сергей заметил, как дрожат его руки. Чуприн закурил и поднял на Сергея возбужденные, аккордные блестящие глаза.

— Что, теперь пыхтеть будете, долб... А я и закричу!... с надером неожиданно прозвонил он.

— Ты же, что, ослался? — удивленно спросил Сергей. — Тебе бы хотелось пытать?

— Вы, вы, вы...
Чуприн откинулся на спинку стула, сигарета пыхнула у него в руке. Старадальская, малая грымза сказала: — Да.

— Леонид, хватит... как можно спокойнее сказал Сергей: — Давай разговаривай нормально. Никто тебя пытать не будет.

— Не надо! — Чуприн вскакал, и в глазах его аккордно заблестели: — Не надо! Я сам скажу! Убил. Точно! Стреляйте меня теперь!

— Рассказывай по порядку, если так... строго сказал Сергей: — По порядку, по порядку.

— Давай читать нет, если девятнадцать лет... А куда он со зломостью и болью.

— Ну, сел я к нему, велел ехать... гауло, как-то безразлично начал Чуприн, опустив голову. — Приехал в Цветочную улицу.

— А у меня ни гроша. Вот я и приехал его вожом. Ну, что еще?

— Он устал и безнадёжно посмотрел на Сергея. Желтое лицо его подергивалось, губы дрожали.

— Где ты сел к Гусеву, в каком месте? — Гася, не помню... Не помню... Не помню...

— Попробуйте вспомнить. Велм там тебя видел Сайнов.

— А... — кинула Чуприну: — Теперь повою. У этого самого... у Шпильковского перушка. Ну да...
— Как? Не помню.
— Вспомни. Постарайся.

Говорю, не помню... с везланным раздражением отозвался Чуприн: — Как?

— Леонид, О чем вы с Гусевым по дороге разговаривали, поминишь?

— Ни о чем не разговаривали. Он баранку крутил. А я вперед поворачивал. Чуприн уже ушел, услышав... А девочка у него там изображена классная. И не наша.

Сергей настоужился. В первый момент он даже не понял, почему. Может быть, потому, что Чуприн в этот момент говорил о девочке, которая была как-то деталь, которую ему не могли подсказать.

— Когда он тебе предложил купить гашиш, по дороге или когда приехали? — спросил Сергей.

— А помню... — начал Чуприн, и потер лоб: — Помню у меня нигуда стала.

— Так. Ну, Леонид. А Чуприн вот куда дел...
— Нож? Зашвырнул. В кусты, около дома.

«Помини... — подумал Сергей: — Кто-то же все таки помнит. Но только...»

Вот еще раз, вспоминала какая-то непостоянная твоя... Рассказ Чуприна почему-то переставал вызывать доверие. Хотя все как будто сходится, все так и должно было произойти. И Валков доказывала именно так.

— Леонид, помню... — сказала, что ты делал в тот день около аэропорта? — спросил Сергей: — Зачем туда приехал?

— Я-то? — неуверенно переспросил Чуприн и снова повторил лоб: — Не помню, я там вроде...
— Тебе там тоже выдал.

— Не была я там, и все.
— Леонид, допустим. А в закусочной около вокзала был утром?

— Не помню... — хмурясь, ответил Чуприн: — Ничего я больше не помню. Понято? Ничего! — Тебе лечиться надо, Леонид... тихо сказал Сергей: — Тебя мают...

— Мать? А сколько ждало ждало Гусев, убитого этим парнем. Велм убийца же сидит перед ним. Не лечите его надо, а...
— Мать? — крикнул умоляюще Чуприн: — Нужен я ей, матери. Отлучилась она со мной... Все... отлучилась... и я отужо...

— Ну, ладно... решительно сказал Сергей: — Хватит на первый раз.
Куда Чуприн поехал, Сергей устал потянулся в кресле, потом встал, прошепав по кабинету, задержался на миг у окна.

Тревожное ощущение, возникшее где-то в сердце, спрыснул Чуприн, но оказалось оно. Что-то было не так на этом вопросе, что-то не так. Кто же именно? Да, Чуприн мог не помнить или не хочет вспомнить. Но вот как он оказался в Шпильковском переулке, это он помнил и испугался.

— Какое это ощущение, Сергей устал потянулся в кресле, потом встал, прошепав по кабинету, задержался на миг у окна.

Тревожное ощущение, возникшее где-то в сердце, спрыснул Чуприн, но оказалось оно. Что-то было не так на этом вопросе, что-то не так. Кто же именно? Да, Чуприн мог не помнить или не хочет вспомнить. Но вот как он оказался в Шпильковском переулке, это он помнил и испугался.

— Какое это ощущение, Сергей устал потянулся в кресле, потом встал, прошепав по кабинету, задержался на миг у окна.

Тревожное ощущение, возникшее где-то в сердце, спрыснул Чуприн, но оказалось оно. Что-то было не так на этом вопросе, что-то не так. Кто же именно? Да, Чуприн мог не помнить или не хочет вспомнить. Но вот как он оказался в Шпильковском переулке, это он помнил и испугался.

— Какое это ощущение, Сергей устал потянулся в кресле, потом встал, прошепав по кабинету, задержался на миг у окна.

Тревожное ощущение, возникшее где-то в сердце, спрыснул Чуприн, но оказалось оно. Что-то было не так на этом вопросе, что-то не так. Кто же именно? Да, Чуприн мог не помнить или не хочет вспомнить. Но вот как он оказался в Шпильковском переулке, это он помнил и испугался.

— Какое это ощущение, Сергей устал потянулся в кресле, потом встал, прошепав по кабинету, задержался на миг у окна.

Тревожное ощущение, возникшее где-то в сердце, спрыснул Чуприн, но оказалось оно. Что-то было не так на этом вопросе, что-то не так. Кто же именно? Да, Чуприн мог не помнить или не хочет вспомнить. Но вот как он оказался в Шпильковском переулке, это он помнил и испугался.

— Какое это ощущение, Сергей устал потянулся в кресле, потом встал, прошепав по кабинету, задержался на миг у окна.

Тревожное ощущение, возникшее где-то в сердце, спрыснул Чуприн, но оказалось оно. Что-то было не так на этом вопросе, что-то не так. Кто же именно? Да, Чуприн мог не помнить или не хочет вспомнить. Но вот как он оказался в Шпильковском переулке, это он помнил и испугался.

— Какое это ощущение, Сергей устал потянулся в кресле, потом встал, прошепав по кабинету, задержался на миг у окна.

Тревожное ощущение, возникшее где-то в сердце, спрыснул Чуприн, но оказалось оно. Что-то было не так на этом вопросе, что-то не так. Кто же именно? Да, Чуприн мог не помнить или не хочет вспомнить. Но вот как он оказался в Шпильковском переулке, это он помнил и испугался.

— Какое это ощущение, Сергей устал потянулся в кресле, потом встал, прошепав по кабинету, задержался на миг у окна.

Тревожное ощущение, возникшее где-то в сердце, спрыснул Чуприн, но оказалось оно. Что-то было не так на этом вопросе, что-то не так. Кто же именно? Да, Чуприн мог не помнить или не хочет вспомнить. Но вот как он оказался в Шпильковском переулке, это он помнил и испугался.

— Какое это ощущение, Сергей устал потянулся в кресле, потом встал, прошепав по кабинету, задержался на миг у окна.

Тревожное ощущение, возникшее где-то в сердце, спрыснул Чуприн, но оказалось оно. Что-то было не так на этом вопросе, что-то не так. Кто же именно? Да, Чуприн мог не помнить или не хочет вспомнить. Но вот как он оказался в Шпильковском переулке, это он помнил и испугался.

не была нанесена Цветочная улица, и оба двора, и это все дом. Крестикими было указано, где стояла машина Гусева и где была обнаружена нож. Сергей сразу же пошел туда, чтобы проверить, и на самом деле, тем все скептически поглядывал на него.

Крестик, обозначающий нож, был нанесен слева от третьего подъезда на зашифрованной полоске, означавшей старикун...
— А вот тут он лежал, пожалуйста... уверенно откликнулся Ибатов и снова руку в кусты.

Сергей присел на корточки и внимательно осмотрел место. Вокруг него порхала стаям ржавой, смежающейся прожорливой акацией и черн. ала...
— Кто же его нашел? — спросил Сергей.

— Я и нашел... вспыхнула от смущения Ибатов.
Сергей поднял голову и улыбнулся.

— Мне, однако, здорово повезло, что я с вами поехал. И на происшествие вы выезжали и нож нашли. Как же он лежал?

Ибатов опустил на корточки возле Сергея и стал горлово объяснять. Сергей внимательно, не переставая, слушал. Потом задал несколько уточняющих вопросов. Неудовольствию Ибатов ответил, однако, на них вполне толково. Затем оба поднялись и по пути направившись назад, к покинувшей их машине.

«Да... — подумал Сергей, — вот тебе разница между самым точным и подробным глазом и живой фотографией. Глаз замечает то, что находится на этом плане... А тут вот кое-что обнаруживается...»

Он сел в машину.
— А теперь, — сказала Сергей, закурил, — расскажем тебе, что там удалось узнать. Ибо, как вы знаете, на как он вел себя в тот день, когда совершил убийство. Вы ведь этим занимались?

Мурат рассказал, как спешив в ту утро Чуприн, как тот даже захотел на такси, но не дождался и кинулся к старикуну. Потом он повисла в кузовной у вокзала, с ним была еще какой-то парень.

— Присыти это есть? — спросил Сергей.
Мурат возмущенно:

— Как будто выходящий худой. Ну, еще хмурый. Вот и все.

— Так, что дальше?
Сергей был с таким интересом, словно и не читал докладную Ибатову обо всем этом, имеющийся в деле.

Итак, было парня вышедшего в закусочной, вышлп совсем свежий, с таким интересом, словно и не читал докладную Ибатову обо всем этом, имеющийся в деле.

— Как они были с собой там? — спросил Сергей.
Оказывается, они очень торопились, высокий все время поглядывал в окно. А когда вышел, то, кажется, сел в машину.

Нет, скорее всего это было не так, а случайная машина. Заметивший ее человек сам сидел в тот момент в закусочной, у окна, и потом сердито говорил Ибатову: «Машину ни, видишь, подал. Тогда мне начался».

Сергей отметил про себя, что этой деталью не было в докладной Ибатову.

Номера машины человека, конечно, не заметил, но примерно так, как и номер синего цента с дополнительными желтыми фарми, короткими и навел то человека на мысль о «начальстве».

Всего этого Ибатов тоже не отметил в своей докладной. Вообще, видимо, эпизод с машиной проделан был собраны, убийство выглядело доказанным, мотив его очевидным и то, как провед Чуприн день перед убийством, представлялось второстепенным и малоинтересным. Психологически это все вполне объяснимо.

Он уже поднимался к гортолку, и Ибатов заканчивая свой рассказ, пока они поднимались по лестнице и дошли до кабинета Сергея. Он сообщил, что в последний раз перед убийством Чуприна видел около аэропорта все с тем же высоким худым человеком, который сидел в десятке такси. И Сергей отметил про себя, что как раз в это время Гусев тоже оказался там, его видели... Кто же его там видел?

Сергей торопливо протиснул с Ибатовым, сказав: — Не зря проявил тут себя, Мурат, совсем не зря.

Он успел заметить, как вспыхнула Ибатову, как благодарно и удивленно взглянула на него.

Зайдя в кабинет, Сергей зажег настольную лампу и добавил из стола бумаги.

— Как же Гусев, около десяти часов возле аэропорта? Где-то Сергей читал об этом, в каком-то документе. Ага, вот... Запис Валкова о его беседе с водителем такси Геней Волковым.

Этот Волков, оказывается, отъехал от аэропорта вслед за Гусевым, и маршруты их случайно совпали. Сначала, и Гусев, и Волков поехали к Ленину с мамой на машине, а потом дошли пешком до школы с маленьким возом нового дома на улице Стрельцова. Надо бы размясть, между прочим, ту же шину.

Сергей сделал пометку у себя в блокноте и задумался.

Да, конечно, совпадение маршрутов случайно. А вот случайно ли Чуприна повисла около аэропорта как раз в то время, когда там оказался и убитый им череп? Не только час, но и место. Скорей всего это тоже случайность. Иначе получается, что Чуприна целая дед следил за Гусевым. Зачем? Он же не знал, что у Гусева имеется вертолет. И была бы еще та потеха! А ему куда? Он же не знал, и потому, как мог Чуприна следить целый день за Гусевым? На той снуде «вообще»? Нет, это что-то уж слишком сложно и глупое, уходит в сторону от очевидного мотива убийства и от доказанных обстоятельств его. Тогда зачем же Гусев и Чуприна случайно оказались в одно и то же время около аэропорта?

Сергей откинулся на спинку кресла. Разговор, однако, он устал за этот хлопотный, напряженный день. Изучение материалов дела, допрос Чуприна, поездка с Ибальдовым. И, главное, не исцеляет, наоборот, все растет тревога, возникшая тогда, когда в момент Чуприна зашел в Ибальдов дом еще новый толчок, а потом и его рассказ. Но особенно поездка.

Сергей снова раскрыл папку. Вот протокол осмотра места происшествия, вот фотографии. Обшир вид той территории, узкой улицы в мгновию вспыхивающая и одинокая машина возле ворот. Видны даже горящие подфарники. Забор строится там, понашам тут. Ну, конечно. Это же так ясно. А вот машина крупным планом, вот снимки трупа на пересечении сиденья...

...Наутро Сергей познакомился с сынов толковой и вполне приятным аптеком. Однако с приходом в городка несвое настроение мгновенно испарилось. Сиденья обшарил и запер, просмотрел свои выписные записи. Потом коротко поговорил с Вальковым и пригласил к себе Лерова.

Огромный светловолосый Леров смущенно опустив на стул возле его стома. — Скажите, Георгий Владимирович, — обратился к нему Сергей, — вы, кажется, должны были установить женщину, которую привез Гусев из аэропорта на улицу Стрельцова? — Так точно, — согласно подтвердил Леров. — Улица Стрельцова, дом пятнадцать, квартира первая. Шапошникова Зинаида Ивановна. А сына зовут Валерий.

— Вы с ней знакомы? — Как же! Имя задание от Алексея Макаровича. — Что она вам рассказывала? — Она-то? — Леров беспечно зевая, и ступая вниз, утвердительно закричал. — Пачет все. Мать у нее тяжело заболела. Вот она и приехала.

— М-да. А про Гусева ничего вам не рассказывала? — Не было у них никакого разговора. Сами поинтересуйтесь, но до разговора ей было. Назвала адрес, и все.

— А вам было не до расспросов, — усмехнулся Сергей. — Чуприна уже задержали, улики железные. Так, что Лер?

— Ну, по правде, то так, — сконфузиленно улыбнулся Леров и сгреб широкой рукой волосы со лба. — Тут у вас так завертели...

— Понятно. Ну, что ж. Будем верить, правда, безумием, что убили Сергея Гусева? — Дверь им открыл худощавый, бровями мальчик лет двенадцати, с кошкой давно не стриженных темных волос и живыми карими глазами.

— Мама дома? — спросил Сергей. — Она в больнице, — оглянув сообщила мальчик. — У нас бабушка больна. А мама скоро перенесет, а уже обде грею.

— Ишь ты, молодец какой, — улыбнулся Сергей. — Каким образом? — В шестом. А вам мама нужно? — И маму и тебя, — сказал Сергей и вынул удостоверение. — Парень ты уже большой, читай.

Мальчик с любопытством взял красную кожаную книжечку. — Фотография сходится, — важно сообщила он и спросил. — Тут написано, что имеет право на ношение оружия. Значит, носите?

— А как же. Тебя Валерий зовут? — Ага. Вы захотите, — предложила мальчик. — Мама, правда, не разрешит посторонних пускать. Но мы же из милиции, — и серьезно добавил: — А потом женщины во всем слушаются.

Сергей и Леров зашли в комнату. — Они пришли в скромно обставленную комнату и уселись на диван. Валерик сел напротив и предупредил:

— Только я размять не умею. Может, вам книжка дать? Я привез две из Москвы. А остальные, — он указал на этажерку с книгами и синкодитово добавил: — Мама, конечно, боится, что а по школе остану.

— А ты и не! — сказала Сергей. — Одно, даже своровать. Даже неизвестно, сколько бабушка проболезет.

— Ей, понимаете, лекарство одно надо, а его и не дают. — Валерик по-детски вздохнул.

— Какое же это лекарство? — поинтересовался Леров.

— Латинское. Мама уже все аптеки обгала. И я ходил в две. Мама мне название сказала. Ни где не.

— А что, — покачал головой Сергей. — А ты первый раз в аптеке?

— Первый. Но не последний. Классный город. Я тут, наверное, жить буду, когда вырасту.

— Уж не вы же, — Уж палы строши? — Конечно.

— Саушай, а ты поминши, как вы приедаете? Вернее, как от аэропорта сюда приехали?

— Конечно, — пожал плечами Валерик. — Самым обычным образом. На такси. У нас же види балы.

— И водители поминши? — Помню. Молодой такой. Зовут Анатолий.

— Сергей улыбнулся.

— Ага, вы еще мне говор показывала.

— А про себя ничего не говорила? — Не. Она вообще с самого начала расстроеным была.

— С самого начала? — Ага. Мы подошла, а его нет. Потом подождать, и мы поехали.

— Расстроеным подождать? — Ну да. Я его даже спросил: «У вас тоже кто-нибудь болел?» Мама ведь тоже очень расстроена была, даже плакала.

— А он что? — Нет, — говорит, — просто неприятный разговор был. Но машину он вел здорово. И все мне объяснял. Я ведь очень маленьким интересуюсь. Теперь только на них путешествую.

— Это ж вы себе объяснил? — Ну да. Не так глупый человек, прибор, как дальний свет давал, как ближний. Хорошая у него машина, хотя и старая. Вот только плохо, что бортового зорькала нет и противотуманный фар.

— Ну, брат, это не обязательно.

— Очень полезно, — наставительно заметил Валерик. — И красиво.

— А вы выдала такие машины в аптеке? — Конечно, — Валерик ответил. — Вот даже, когда мы приехали, у соседнего дома такая остановилась.

— Тоже «Волга»? — Ага, сына синия, а вперед желтые фары. Они! Валерик внимательно смотрел со стула на лице его отразился испуг. — У меня же был горит.

Валерик кинулся к двери. В этот момент в переднюю раздался звонок.

— Это мам! — крикнул Валерик из кухни. Все время молчаливый Валерик решительно зашел.

— С ней я уже говорил, Сергей Павлович. Ей сейчас не нас. И она тоже ничего особенного не заметила.

— «Тоже»? — Умирает, переспросил Сергей.

— Между тем Валерик уже открыл дверь, и через него в комнату вошла худощавая женщина в белой кофточке и в очках. Глаза ее были красны от слез, в руках она нервно комкала платок.

— Извините, — пробормотала она. — Такое горе.

— Мы уже знаем, Зинаида Ивановна, — сказала Сергей, вставая. — Это вы нас извините. Мы очень не вовремя приехали. Мама вашей, видимо, не лучше?

— Ах, боже мой. Ей... совсем плохо... — Она отвернулась и приподняв один, прижала платок к глазам. Валерик встал в дверях, страдальчески глядя на мать.

— Зинаида Ивановна, — тихо произнес Леров. — Может быть, мы и вопреки приехали. Валерик нам сказал, что вы искали какое-то лекарство.

— Его нигде нет... совершенно нигде нет... — не оборачиваясь и еле сдерживая рыдания, отгнетла женщина.

— Мы найдем, — уже решительно перебил ее Леров. — Перевернем весь город и приедем вам это лекарство. Давайте рецепт.

Женщина с испугом обернулась и, судорожно комкая в руке мокрый платок, посмотрела на Лерова.

— Вы достанете?.. Вы?... Она растерянно гляделась. — Боже мой, где же мои сумочки! Валерик, где мои сумочки!..

Когда Сергей и Леров вышли на улицу к ожидавшей их машине, Сергей сказал:

— Ну, ты и молодец. Какой же ты молодец, Гоша! Если надо, я пойду к министру, куда угодно...

— Не надо, Сергей Павлович, — терпеливо ответил Сергей. — Я достану. Вот увидите. Только дайте машину.

— Какой разговор! Завези меня в городка и отпривези.

— Пришлось к себе в кабинет, Сергей некоторое время беспечно расхаживал из угла в угол, потом, словно решившись на что-то, достал из сейфа свой блокнот, и поднес к столу, стал что-то терпеливо записывать. Конечно, он посмотрел на часы и пошел в Валькову.

— Это я, — сказал он. — Саушай, Алексей Макарович, мне надо повидать... и бросил взгляд на раскрытый блокнот. — Сайновца. Помогите, пожалуйста.

— Все сделаем. Сейчас я к тебе зайду, — ответил Вальков.

Вскоре выяснилось, что Сайнов в этот день не работает, и Вальков узнал в парке его домашний адрес.

— Если хочешь, можно подождать, — сказал он Сергею.

Проехав уже знакомые Сергею центральные проспекты, машина снова остановилась на той зеленой улице, по сторонам которой тянулись старые, глянцевитые дома без дверей, с маленькими окнами и узкими, темными подворотнями.

Через минуту подошли Сергей и Вальков прошаив по внутренней двору. Сергей с удивлением огляделся.

В большом, разгоревшем низким палисадником дворе царил оживление. В глубине его возмаленьких садов и огородах кипела работа на кустах котам, вокруг сутулился женщина. Под деревьями на столах и невысоких квадратных террасках кто-то готовил, грея посудой и перемишываясь. Сергей заметил возбужденные ребята, которые носились по двору. На длинных террасках дома вышпилились пестрые коты и паласы. Двое мужчин со стравенной тигушкой черед двора электрические провода и летящие кусочки изюма на дельонито и серьезно помогали нескольким мальчикам постарше.

Вальков окалинул одного из них.

— Семи, тыти! — Семи, тыти! — Малеши указал на террасу. — Я его позову!

Спусти минутку к ним нетерпеливо выпшел сам Сайнов, крепкий, прямой, с зоркими глазами, над которыми виселись лохматые седые брови. Следом за ним в пестрой, полублестящей кушачком халате, голову прикрывала тюбетейка.

— Салым алейкум, — с достоинством приветствовал гостей.

На пороге с пиволой с чашечкой разговор.

— Нана, махала готовится к свадьбе, — сказала Сайнов, обведя рукой двор. — Большая будет свадьба. Женим Аману, сына достопочтенного человека, Хайдару Турсунову, на шахматком комбинате работает. Значит, грамату получило, о нем недавно писался в газете.

— Значит, не только его семья готовится к свадьбе? — удивленно спросил Сергей.

— Понятно, конечно, — ответил Сайнов. — Сайнов снова обведя рукой двор. — Засы Аман вырос, и все мы за него в ответе перед махалей невесты.

— Он унабилусь? — Приходи. Дорогим гостем из Москвы будешь. — И повернувшись к Валькову. — Ты же не знаешь, как...

— Спасибо, ага. Спасибо, это честь для нас.

— Какое дело вас привело? — спросил Сайнов.

— Вы выехали Гусева в тот день на станице около Вальковского переулка? — спросил Сергей.

— Видел. Гусев ко мне подошел, дорогу на Центральную спрашивая. Я рассказывал уже.

— Да. Я читал. Но ведь было уже темно! Как же вы узнали Чуприна?

— Об этом я вам уже рассказывала.

— А больше машин там не было, в переулке? Сергей напряженно ждал ответа. «Неужели я ошибся? — думал он. — Неужели я...»

— Столба молотком поручили, — спросил Сайнов. — Двое столба. Потом мимо проехала.

— Какая машина? — Какая машина? — «Волга». Черная. Два человека в ней ехали.

— Черная? — Да, черная, черная, — спокойно подтвердил Сайнов. — Собственная машина. ТНБ серия.

— Ну, зрение у вас, — улыбнулся Сергей. — Молодые познаноу.

— Хорошее зрение. Все вижу.

— Больше ничего вы на этой машине не заметили? — Больше? — Сайнов задумчиво потерла рдемяную бородагу.

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

А Сергей вдруг поймал на себе напряженный, испытующий взгляд Валькова.

— Было еще — сказала Сайплов — Феры были. — Он растопырив пальцы обеих рук и толкал ими низко перед собой. — Прогнотуманные феры были.

— Все, ака, — сказал с облегчением Сергей и поднялся. — Спасибо вам. Не будем мешать. Свадьба — большое дело.

— Сневи, — согласился Сайплов. — Рождение, свадьба и смерть — три больших дела.

Он проводил гостей до машины. Когда она тронулась, Сергей закурив и повернулся к Валькову.

— Вот что я тебе скажу, Алексей Макарович. Чуприн убийства не совершал. Я тебе это докажу.

Глава III. ТОТ САМЫЙ УСПЕХ, КОТОРЫЙ ИНОГДА ОБОРАЧИВАЕТСЯ ПОРАЖЕНИЕМ

На этот раз в кабинете Нуриманова их было только трое: сам Нуриманов, Коршунов и Вальков.

— Никкое не совещание, — предупредила Нуриманов. — Совещание будет потом. А сейчас рабочий разговор. Давай, Сергей Павлович.

Сказал он это, как всегда, невозмутимо, и ни один мускул не дрогнул на его лице. Но Вальков, хорошо изучивший своего начальника, по мельчайшим, почти не приметным признакам безошибочно уловил, как тот обеспокоен и насторожен.

А и сам Вальков был не на минуту встревожен. Неужели Коршунов прав? Неудовлетворенность работой, проделанной ой группой, появилась у Валькова давно, сразу, как только выпала та записка, еще до приезда Коршунова. Никаких конкретных фактов тогда еще не было. Вальков интуивно понимал, что записка вызвала очевидные недоработки по делу. Но потом... кое-что появилось. Да, да, Сергей что-то выискал новое.

Между тем Коршунов раскрыл свой блокнот, придвинул поближе пухляку папку с делом Чуприна и незаметно вздохнул. На смуглом его лице явно проступила вдруг дьявольский прелесть поперек щек. Сергей нахмурился и промолчал, по густым темным волосам с чуть заметными сединами на висках.

«Возмущается», — отметил про себя Вальков.

— Значит, так, — промолвил Сергей. — Это меня убеждает в ненужности Чуприна, хотя он и признался на последнем допросе? Меня убеждает тот момент. Первый заключается в следующем. Вот Гусев привел Чуприна на Цветочную, подыскал К воротам, остановился, вынул ключи, сел. Чуприн сядовало расшаркался и выхотдил. В этот момент он и должен был ударить Гусева. Так?

— Да, так, — согласился Вальков.

Нуриманов молча кивнула.

— Нет, не так, — покачала головой Сергей. — Оказывается, не так. Давайте разберемся. Вот протокол осмотра места происшествия. — Он достал из папки бумагу и помолчал перед собой. — Гусев не просто вынул ключи, он еще и сбросил на землю сумку. Значит, Чуприн расшаркался? Зачем, если он собирался убить Гусева?

— И тоже это заметил, — возразил Вальков. — Но таксисты часто сбрасывают сумку, назвав ее пассажиром.

— Допустим, — охотно согласился Сергей. — Хотя в такой ситуации, когда он берет поздно вечером подозрительного парня, осторожность, требовалась не спешить сбрасывать сумку. Но допустим. И пойдем дальше по этому эпизоду. В машине, пока они ехали на Цветочную, Чуприн, как он мне сказал, смотрел все время вперед и зловидно алкобнялся «классной девчонкой», маленькой Гусевым рядом с приборной доской. Он даже заметил, что девчонка была «не наша». В машине было темно, фотографировать можно было рассмотреть только с близкого расстояния. Значит, Чуприн сидел рядом с Гусевым. А удар был нанесен сюда, почти в затылок.

— Он мог сидеть и сзади, облокотившись на спинку переднего сиденья, — снова возразил Вальков, про себя удивляясь странной легковесности доводов Коршунова.

— Что ж, и это можно было бы допустить, — все так же охотно согласился Сергей и, помедлив, добавил: — Если бы не еще одно странное обстоятельство. Византизм-ка.

Он достал из папки фотографию. На темной улице возле ворот проходного двора одиноко стояла машина Гусева с зажженными подфарниками.

— Как вы думаете, — спросил Сергей, передала фотографию Валькову, — в какую сторону смотрят ее фары: в сторону площади или в сторону забора стройки?

Вальков даже не взглянул на снимок. Он сразу вспомнил тот вечер, когда они приехали на скучную темной Цветочную улицу, и как будто сно-

ва увидела отражение огней далекой площадки в стекле погашенных фар.

— Фары смотрели на площадку, — задумчиво произнесла. — Да? Это и не улица.

— Именно, — согласился Сергей, и поперхнулся к Нурманову, пояснив: — Значит, Гусев, выходя из Чуприна, успел развернуться на этой узкой улице, ставшей внезапно оградой кортеж, и только тогда бы убит. А остановился он, чтобы посадить нового пассажира, больше ему там незачем было останавливаться.

— Ты с сомнением покатываешь головой Нурманов. — Как? Ты гапши?

— Сейчас займемся и этим, — сказала Сергей. — Начнем с ножа. — Он снова раскрыл папку и достал несколько скотчов вместе с ножом. — Вот этот скотч гапши. И не гапши, а именно скотч, нож потерял. Но на последнем допросе, где он признавался в убийстве, говорит, что зашвырнул нож в кусты волею дома.

— Там мы его и нашли, — хмырится, подтверждая Вальков.

— Да, нашли, — усмехнулся Сергей. — Но он его, оказывается, вовсе не зашвырнул. Он лишь чуть-чуть разворочил лезвие почти волею самой дорожки. И только ножом, который он вынул из кобуры, чтобы вы побольше его напугать. Зачем бы это?

— Сергей посмотрел на хмуров, обозначившее лицо Валькова, на невозмутимо курящего Нурманова и сказала:

— Нож положил не Чуприн. Его положила, — именно положила, а не зашвырнула — кто-то другой. И при этом очень точно, чтобы вы его нашли.

— Каким гапши? Или гапши? Или скотч, ты объяснил этот Нил не от Гусева он перешел к Чуприну?

— Погоди, — остановила его Сергей. — Сейчас мы разберемся в нем. Давайте рассуждать. Если кому-то надо было свалить убийство на Чуприна, то на гапши он делал особую ставку. И тут появляется третий человек. Смотрите сами. В тот день, рано утром, Чуприн появляется в закуской вместе с неизвестным человеком. Потом появляется в машину. В силовую машину с желтыми прототиповыми фарми. Так сказал Иодову человек, явившийся ей.

— Кто это был этого человеку-то не собирай, — сердито сказала Вальков. — Каким была машина.

— Он молодой сотрудник, — возразил Сергей. — Он вообще не придавал значения этому факту. И можно было бы предать, если бы. Чуприн, тот, кто сидел в машине, не оказался лицом скола, аэропорту. Если бы не тот же машина не последовала за Гусевым на улицу Строителей. Если бы вечером она не оказалась вместе с Гусевым около здания городского управления. Потому что, если бы не мы, ты поминь? — обернулся он к Валькову. — Нам сказал об этом старик Сайков.

— Там была черная машина, — возразил Вальков, но тут же махнула рукой. — Впрочем, ясно. Темно же.

— Вот именно, — подтвердила Сергей. — Новое все копил серы. И обрати внимание. Сколо Шиньковского переулка к Гусеву сел Чуприн. И в той машине осталось два человека. Их и заметил Сайков.

— Значит, по-твоему, эта машина все день следовала за Гусевым? — недоверливо спросил Вальков. — И от чего ничего не заметил?

— И от чего? Ты же сам видишь? И Гусев не заметил. Если бы он опасался такой слежки, если бы был настроен, если бы, наконец, не был чем-то расстроен, он бы заметил. Но он был расстроен по другим причинам. И ты же сам видишь. И вот у Шиньковского переулка тот, второй человек, делавший посла, наконец, Чуприна к Гусеву и сказал ему примерно так: «Теперь поезжай домой, на Цветочную». А ведь до этого он целый день падал с себя и с собой в машине. И Чуприн не возмужал. Почему? А потому, что тот общался ему? Поминь, как утром Чуприн спелая к нему? Чем легче всего можно было купить Чуприна? Конечно, старик Сайков, он сразу же ответил. Он действительно гибнущий человек. А ему всего лишь девятнадцать лет! — Сергей взлохматил по-прежнему на Нурманова. — Его надо лечить, привью-догода лечит.

— Согласен, — кинула в ответ Нурманов. — Продолжай, пожалуйста.

— Значит, насчет Чуприна. Этот человек и два ему гапши как палатку и послал домой. Вернее, послал его в тюрьму, может быть, в тюрьму, в тюрьму. Потому что решил свалить на него убийство Гусева. Чуприн очень походил для такой роли. Это был точный и хитрый расчет, что и говорить. И сделал его умный и хитрый человек.

— Да, а так полагаю, — ответил Сергей. — А ты?

— И он же, этот человек, уронил потом ту

записку? — снова спросил Вальков, не отвечая на вопрос.

— Конечно, — подтвердила Сергей. — Возможно. Конечно, что два человека по записке?

— Сейчас. Вот слушай.

Вальков надела очки и вынул из тонкой папки, которую принес с собой, список с заключением.

Там указывалось, что потерч, каким написана записка, мужской, торопыный, принадлежал узбеку, человеку не очень грамотному. Бумага являлась частью газеты «Правда Востока», оторвана от первого полдела ее, верхний правый угол. На обороте — часть газетного текста, это помогло установить и день, когда газета вышла.

Дойдя до этого места, Вальков многозначительно покачал головой.

— Это накануне убийства Гусева, — сказала он. — Появится. Что там еще?

Далее в заключении говорилось, что характер отрывка небрежный. В сочетании с торопым полчерком это означало, что автор записки, видимо, спешил. В самом углу оторванного клочка дружка карандашом и потерчом проставлена цифра «14».

Резкие выходы этого номера дома подлиственки и прощало, — подтвердил Вальков. — На записке имеются слабо различимые отпечатки бурого цвета. Это следы машинного или автомобильного масла. Можно предполагать, что этим маслом были испачканы пальцы автора записки. Но идентифицировать их не представляется возможным.

— Вот и все, — сказала Вальков, снимая очки. — Немало, — заметил Сергей. — Добросовестный отчетный доклад.

— Если же довести его уже принятию и доказывать больше ничего не надо: — А теперь скажи, Алексей Макарович, как дела со связями Гусева, улетел ли установит, ту депушку и Карина?

Вальков досадливо покачал головой.

— Никаких подходов пока нет. Их никто не знает из тех, кого знаем мы, и, вдобавок, добились. — Будем дальше работать. Их надо установить, теперь особенно.

Если бы Нурманов и Сергей знали, как себя сейчас казнил Алексей! Если бы он не торопился, если бы его не подтолкнул, он бы сделал все в тот же день. Да, да. Ведь Гусев сказал Туалкову, что он в тот день, утром. — Вот что надо еще потянуть!

— Гусев сказал Туалкову? — задумчиво произнес Вальков, — что в тот утро он кому-то объявлял, что едет в Ленинград.

— Гусев? — настроился Сергей.

— Да. Вначале мы подумали, не девушка ли той же объявлял, что уезжает отсюда. Ведь он решил ж жениться.

— Не-ет, — покачал головой Сергей. — Это что-то другое. Любовь не «изъявляют». Что-то другое, — повторил он. — Что может стоять и женить.

Иногда, присваиваясь, делались ли работы: убийство Гусева, которое оказалось не только не раскрытым, но еще более запутанным, чем в начале следствия, и опасная нотичка, тлывущаяся из Ташкента в Бюрок, в Семенову, через Рожкова из Ташкента. Случилось, что, как только Вальков: предстояло гнаться сразу за двумя зайцами.

Правда, запутанные следы их как будто пересеклись и можно было предположить, что «зайцы» — это убийство Нурманова и убийство Гусева.

Возможных точек пересечения были три: записка с адресом Семенова в машине Гусева, гапши, фигурировавший в том и в другом деле, наконец, некий человек, присваивавшийся с Рожковым и Вальковом и оказавшийся другим Гусевым. Впрочем, все эти три обстоятельства или любое из них легко могло оказаться чисто случайным совпадением.

Потому оказалось особенно трудным установить, в том и в другом деле удалось ухватиться за важные, точные и промежуточные звенья. Кто-то стоял за Чуприным в деле по убийству Гусева, и кто-то стоял за Чуприным в деле по убийству Гусева. До тех пор, пока не предстояло сейчас доказывать, оставив пока в стороне возможные точки пересечения этих дел, чтобы не запутаться и не пойти по ложному следу.

В соответствии со всеми этими соображениями и был составлен новый план оперативных мероприятий.

Сергей предстояло новый доклад Чуприна.

Предварительно, однако, он решил поговорить с человеком, который знал Олега Игоревича Чуприна. В кабинет к Сергею торопливо вошла молодая, очень блондинка. Ее желтые, каштановые волосы были сложены в огромный, выгнутый вверх пучок, казалось, чудом державшийся на затылке. И Ксения остановилась у порога, правая и левая грудь сумку, казавшуюся в ее руках почти иступенчатой, и неуверенно спросила:

— Простите, это вы будете товарищ Корнушов?

— Я. Проходите, пожалуйста, — ответила Сергей, вставая. — Я все пригласила, чтобы поговорить о вашем деле.

— О. брате... О. Леон? — прерывающимся голосом переспросила она.

Из глас ее вдруг потекли слезы. Ольга Игоревна торопливо шла вперед, и торопливо достала из сумки папку, пригласила его к газетам.

— Это ужасно, ужасно, — простонала Ольга Игоревна, вытирая слезушние из слез гласа, морщась предки ее трясась. — Вы не можете себе представить, сколько горя оно принесло. Это... Это незаживающая рана... Ради бога, простите, об этом мне не скажите спокойно... Вы только подумайте: бы! Была такая хорошая мальчик, красивый, умный, смелый, был бы только один из тех, кто был один из первых в школе. И вдруг... после смерти отца... Леон его обожал. Он просто молился на него. И так хотел с отцом жить! Но папа был геолог. И все время уезжал в экспедиции. А Леон не мог простить маме, что она ушла. Он ее доизменяемо посыле этого. Я говорила: «Леончик, ну так нельзя. Это же все-таки мама». Он только грустил. И ничего не хотел слышать. А потом... эта трава... Это же...

У нее не только слезы, она уже не плакала, она только задыхалась от волнения, ей не хватало воздуха. Полное лицо поблело, но лбу оставались слезы. Ольга Игоревна пружала руки к груди, и в глазах ее возник страх.

Сергей вскопчал. Надо было выматывать врача.

Ольгу Игоревну на машине отпразднили дома. Сергей после этого долго еще ходил по кабинету, стараясь успокоиться.

Потом вызвала на допрос Чуприна.

— Ну что, Леонид, будем говорить? — спросил Сергей.

Тот кивнул передернув плечами.

— Я должен тебе сказать, — продолжал Сергей. — Ты не убивал Гусева. Понял? Не убивал.

— Убил... тихо произнес Леонид, не поднимая головы.

— Нет, Леонид. Все было не так.

— Убил, — уже твердо повторил Чуприн.

— Нет. Это доказано. В тот вечер, на Цветочной, ты просто вылез из машины и пошел домой. А в машине сидел Гусев.

Чуприн вдруг подмыл голову и пристально посмотрел на Сергея.

— Кто этот человек? — спросил Сергей. — Скажи.

Но Чуприн только молча покачал головой и отвел глаза.

— Он два тебе гапши, — продолжал Сергей. — Он целый день гапши, и ты же знаешь, что Гапши. А вечером вылез сестя к Гусеву и ехал домой. Он ведь так и сказал: «Теперь поезжай домой». Скажи?

Чуприн слабо кивнул головой, но тут, словно спохватываясь, снова поднял взмученные глаза на Сергея и туало, устало произнес:

— Хватит... я уйду... и все тут... Я...

— Кто был этот человек? — повторил свой вопрос Сергей, чувствуя, что не в силах пробиться сквозь эту мучительную и безмерную, смертельную апатию.

Чуприн молчал.

Сергей достал папку с делом записку, выдвинула ее, указав на Гусева, и покачала ее Чуприну.

— Смотри, Ну, смотри же.

Чуприн с усилием поднял голову, взглянул на записку. На лице его ничего не отразилось.

— Ты же знаешь, эта записка? — спросил Сергей.

— Не знаю. Не моя...

— Ну, а что такая Дина, ты знаешь? — снова спросил Сергей.

— Кто ее знает... равнодушно ответила Чуприн. — Вот пошла... Молчи.

Сергей достал фотографию девушки, обнаруженную в бумажнике у Гусева.

Нет, Чуприн ничего не вспомнил. Скорее всего он делал, но не знал эту девушку.

— Ну что же, Леонид, — сказала Сергей. — Тогда все. Не хочешь ты нам помочь, не надо. Того человека мы все равно найдем. А тебе будем лезть. Обязательно лезть. Гусева ты не убивал. А вот себя убили. Ой...

Чуприн подвинул голову. Впервые в глазах его мелькнула какая-то мысль, тревожная, взволнованная ее ей-ей.

— А твой чей? — хрипло спросил он.

— Твой, — ответил Сергей. — Брат ведь ты ей. Родной брат. — Сергей досадливо нахмурился. — Она была у меня. Если бы ты видел, как она плакала...

Чуприн отвернулся. Губы у него вдруг задрожали.

Когда Сергей остался один, он с усилием потянулся, закурил и только сейчас почувствовал, как устал.

Завоняла телефон. Сергей снял трубку и услышал сухой, спокойный голос Нурманова: — Из тюрьмы сообщают, что Рожков доставлен. Кто будет им заниматься? — Я буду. — Хорошо. Аерон нашел лекарство. Уже отъез. — Молодец. Где он сейчас? — Работает согласно плану. По поточным отделением. — Ну, там ему работы хватит. Подписчиков искать. А где Валяков? С утра его сегодня не видно.

— Связи Гусева, — коротко ответил Нурманов и, в свою очередь, спросил: — Тебе что-нибудь надо?

— Пока нет. Позвоню. Сергей повесил трубку и задумался. Из Борка доставлен Рожков. Но допрашивать его сейчас бесполезно. Никаких новых фактов у Сергея пока нет. Связи Рожкова в Ташкенте еще не установлена. Вот только, Трофимов. Но это связь случайная. Их соседина тоже пока неважный Юсуп. Неужели он не встретится с Трофимовым? Ведь Рожков не веруется, Семенов молчит. Единственный человек, который может сообщить о том, что произошло в Борске, — Трофимов. Рожков должен с ним встретиться. У него нет другого выхода. Вот только где и когда произойдет эта встреча? Удается ли ее зафиксировать? И как повести себя Трофимов?

Сергей снял трубку одного из телефонов и набрал короткий номер.

Ответа Нурманов. — Мне нужен Трофимов, — сказала Сергей. — Пошли кого-нибудь за ним. Он, наверное, еще на занятиях.

Да, Трофимов — пока единственная известная связь Рожкова в Ташкенте. А в Борске? Там Семенов, Стуков и кто-то еще, чей адрес потерял Рожков. Чей же это адрес? Это должен узнать Лобанов, обязательно должен узнать. Как там вообще у него дела, интересно.

— Сядь посмотрю на часы и торопливо вышла из кабинета.

В дежурной части его мгновенно связали с Борском.

По телефону подошел Хромов.

— Николай Григорьевич, привет. Коршунова говорит.

— Завтра желаю, товарищ полковник.

— А где Лобанов? — спросил Сергей.

— Жаль. Теперь скажите, установили вы связи Рожкова?

— Так точно, товарищ полковник. Семенов и Стуков.

— Их адреса он знает? Была у обоих?

— Так точно.

— А других его знакомых в Борске не нашли?

— Пока ничего нет, товарищ полковник. Знаемся.

— Ну, ладно. Привет Лобанову и всем товарищам.

— Слушаюсь. Желаю удачи, товарищ полковник.

Сергей досадно повесил трубку.

В кабинете его похлопал маленький черноволосый Ибодов. Ужасе глаза его весело блеснули.

— Это что вы такой докладываешь? — удивился Сергей.

— Суббота, товарищ полковник.

— Ну и что? С утра отдамте?

— Какое нет. Но Александр Маркоровти прислал вам бумагу передать, — хитро прищурился Ибодов.

— Ишь ты. Какой же?

— Притянь сегодня вечером к нему пожалуйста. И нам с Гошей тоже. А сейчас, — Ибодов прищурился еще хитрее. — Сидит Паolina Осиповна зноится. Уточила.

Сергей засмеялся.

— А плов давай? И ты теперь только по плов давай.

— Ишь будет. И Нина будет, пожалуйста. Сидит красивая девушка в Ташкенте. Так Гоша говорит. И это то что знает.

Ибодов неожиданно вздохнул.

— Вы так полагаете? — с улыбкой спросил Сергей.

— Обязательно? Очень хорошая девушка, — снова затаросил Ибодов. — Самм увидите, пожалуйста.

В этот момент в кабинет заглянул один из сотрудников и доложил, что пришла вместе с Трофимовым.

— Пустяк заходит, — распорядился Сергей и кину Ибодову: — Ну, до вечера.

Ибодов торопливо вышел, пропуская в кабинет невысокого, плотного парня в меховом плаще, под которым виднелась кашкет рубашка, ворот ее был расстегнут. Это был Трофимов.

ЧИТАТЕЛЬ: МНЕНИЯ И СМЕРЕНИЯ

«Великая Отечественная...»

«СМЕНА» № 9, 1970 год

Не могу без волнения читать о партизанском движении в годы войны, особенно о героях-партизанах белоруссии и Брянщины. С детства летящие люди остаются для меня образцы самых высоких человеческих качеств. Мой брат Григорий Петрович перед войной служил в Красной Армии, был оружейным мастером. В первые месяцы войны попал в окружение, но вырвался оттуда и астили в партизанский отряд. Воевал брат в Брянских лесах. Большие дух лет от него мы были писем, думали, что погиб. Только осенью 1943 года, после разгрома и контугов его доставили на Вильнюсский фронт. Вылечившись, он приехал в непропорциональный отпуск домой, в Вилну. Я, мальчишка с соседней улицы, гордились своим братом, тем что раз примерил его кубанку с красной лентой. После отпуска брат уехал на фронт, под Гомель был снова ранен и демобилизован. Сночался он в 1944 году после тяжелой болезни. В нашем семейном альбоме осталось фото партизанского времени. Слева — мой брат, справа — командир партизанского отряда (фамилия, напечатана, Гарна), в центре — санструктор Григорий был

человеком изнерздротности, вселили в армии всегда участвовал в самодеятельности, хорошо танцевал, но о бою, о жизни в партизанские отряды рассказывал оменя скупо. Запомнился его воспоминание о Богудшевском партизанском отряде в «Ветях». Много знал партизанских песен и хорошо пел их. Сейчас в нашей большой семье часто звучат эти песни. В 50-е годы Григорий переписывался с одним из руководителей партизанского движения, первые секретарем ЦК КП Белоруссии Г. П. Пономаревым. Из писем тво. Помню, однако мы узнали, что брат награжден орденом Красной Звезды и медалью «Партизану Отечественной войны». Награды эти брат так и не успел получить. Да и не в них ты дело, я хочу узнать о людях на фото, об отряде, в котором воевал мой брат. Потому и посылаю дорожку мне родному сыночку. Огубившись, те, комуалуйста, его. Моет быть, откликнутся люди, воевавшие в Брянских лесах вместе с Григорием Петросовым.

Роберт ПЕТРОВСОВ

г. Вилну.

«Неразгаданная тайна «Михаила»

«СМЕНА» № 2, 1962 год

Каждый, кто бывал в порту Александровск, на острове Сахалин, мог видеть абруи эскадры эсминцы остании большого парохода, поворачивая так или иначе шквастаясь влево. Однако никто не мог сказать, откуда он пришел и почему был выброшен на берег. У местных жителей было несколько легенд об этом судне. Одна гласила, что во время русско-японской войны 1904—1905 годов пароход был послан на остров уранского. Почти во всех версиях передавали данные о его названии — «Михаил».

По данным морских музеев и государственного заведомо, что в Российском императорском флоте такого парохода не было. Не оноалось его и в списках военных эскадровских и регистрационных книг Сахалина.

Многие исследователи ввели в заблуждение написанная в этом районе в 1940 году донесения с запиской, которая сообщала о гибели транспорта «Михаил Архангельск» 20 августа 1904 года.

Тоннаж, состояние судна и время его гибели говорят о том, что «Михаилу» она не отнеслась. Канониче судно «Михаила» оно не отнеслось. Российский итиботойный промысел у берегов Приморья с использованием гарпуночной пушки и специального парового судна-иитойбыда был начат в 1880 году. В 1888 году сформировался Тихоокеанское итиботойное рыболовочное предприятие. В 1890 году с правлением в Петербурге.

Промысел итиботойной промысла: зимой — влед, остальное добывали летом, летом — в заливе Петра Великого. Продукция — топленый жир, свиное и говяжье сало, туго туго добывались — отправлялась в Японию, ус — в Лондон и часть шла в Россию.

В 1901 году общество приобрело в Англии большой трехпалубный пароход, который после годич-

ного переоборудования в Данциге (теперь Гданьск) и небольших доработках в Сахалине стал первым в мире итиботойной базой (тогда тактике суда называли «иитойны»). В августе 1903 года флотинг «Михаила» приступил к обработке китов в районе острова Аскольд. По своему оборудованию и размерам (107 метров) база являлась для своего времени, конечно, крупным, хорошо организованным предприятием.

Едва ли кто подумал тогда, что Российская империя, далеко не терпев в мире по техническому развитию, первой создала новую отрасль индустрии — итиботойную. Ведь только через три года норвежцы Христиансен направили флотинг «Адмирален» с двумя итиботойными судами в Антарктику, а в январе 1904 году, за сутки до начала военных действий, во время стоянки в одном из портов Японии «Михаила» и итиботойный были захвачены японскими властями вместе с целью устранить нурента, так как в те времена частный китовый промысел и лица, не состоящие на военной службе, не задерживались.

Пароход «Михаила» так и остался у японцев. И когда осенью 1906 года из Японии на Сахалин отправился разграничительная комиссия, отряд судна прибыл на пароходе «Михаила» под японским флагом, но с русским названием судна на борту. При стоянке на рейде порта Александровск налетевший шквал выбросил «Михаила» на берег.

В 1923 году японцы сняли «Михаила» с грунта, уничтожив старое название и дали новое — «Юто Мару», но очередной шторм в Татарском проливе снова, на этот раз окончательно, выбросил его на остров Сахалин. В 1924 году японцы дали ему новую и другое четное обозначение и увезли в Японию. Паруся «Михаила» от негоод развалился в постель.

Китобойный промысел в Приморье возродился лишь в 1923 году, когда отплыл с острова Сахалина советская итиботойная флотилия «Алеут».

Сергей ЛЕБЕДЕВ,
капитан дальнего плавания

Продолжение в № 13.

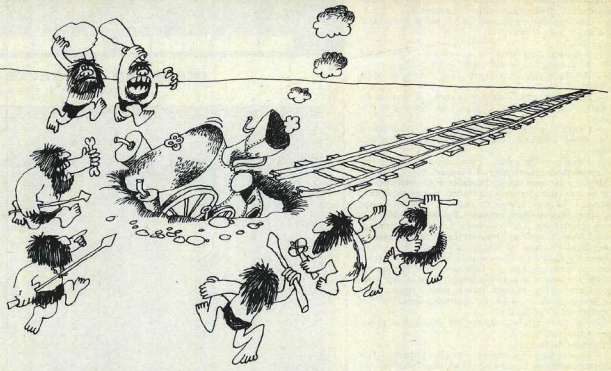
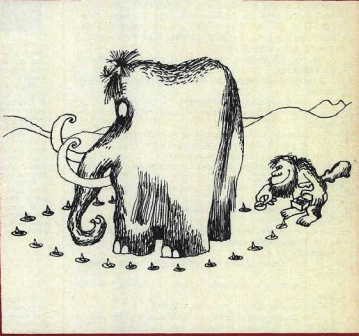

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

Рисунок Анатолия ВУДИНОВА

ВПЕРВЫЕ — ЧЕМПИОНКА СТРАНЫ

В последнее женском чемпионате страны разгорелась упорная борьба, и в финалу одновременно пришло две шахматистки. «Хозяйкой» золотой медали должна была стать победительница дополнительного матча между Майей Рапицой из Таллина и московичкой Алейей Кушиной. Это молодое, но уже опытное спортсменки, в чьем активе можно найти целый ряд успешных выступлений на самом высоком уровне. Майя была уже чемпионкой страны и неоднократно — примером первенства СССР. Аля не так удачно играла во внутренних соревнованиях, но зато она добивалась крупных достижений на международной арене. Давным она получала право оспаривать мировое первенство. В общем, в матче встретились достойные друг друга, опытные соперницы.

Под редакцией мастера Виктора ЛЮБИЧСКОГО

И последний оправдал ожидания любителей шахмат: он проиграл весьма напряженно, даже драматично. В первой половине составления заветный деревес был на стороне Рапицку — она шла со счетом 2½; ½. Но Кушину мужественно сражалась и ценою немалых усилий она добилась результата 2:2. Победа в сепякощей седьмой партии позволила москвичке впервые завоевать титул чемпионки СССР. Эстонская шахматистка была вынуждена удовлетвориться «серебром».

Приводим заповедноисшедший финал четвертой партии матча.

Эта позиция возникла после 24-го хода черных. Аля, игравшая белыми, подготовила и осуществила прочную на королевском фланге и энергичный штурм.

25. Кг2 — h1! b7 — b5
26. Кг1 — e3 Сd8 — e6
27. f4 — f3 e6! f5 Сb8 Сb1!
f5 Сe6! f5 29. f6! f3! f5 Лe8-e5. Уничтожая вакажу цент-

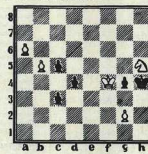

ральную пешку, Майя надеялась отразить угрозы, но это ей удалось лишь дорогой ценой.

30. Кг5 — h6 + Кg6 — h7
31. Кh6 — f4 Лe7 — e8
32. Кf4 — f6 + Лe8 — f6
33. Лf1 f6 + Фd7 — e7
34. Лf6 — b6 b5 — b4 35. a3!
b4 a5! b4 36. Лb6 b4, и белые быстро реализовали лишнее большинство.

ЭТОЮ ПЕРУАНЦА

Оригинальный шахматный этюд составил известный перуанский шахматист Эстебан Каналь. Белые начинают и выигрывают.

КОНКУРС «СМЕНЫ» ЗАВЕРШЕН

Звершевшая работа жюри по подведению итогов шахматного конкурса «Смены».

объявленного в № 18 журнала за 1970 год. Итого в редакции по конкурсу поступило более шести тысяч читательских писем.

Наиболее пригласения для участия в этом заочном соревновании являлось то, что они присылали чересчур лаконичные ответы, а для неогорых — замаскированные варианты. Примером может служить задача № 4, в которой ответ 1... Лf5 Сe5 + 2. Крf1 (вместо правильного 2. Л:e6!) не приводит к цели: после 2... Сd4 3. Сd2 Сe3 4. Крe2 С:b4 мат в десять ходов не удается.

Дилеммами победителей, набравших по 17 очков из 17 возможных, награждено 56 человек. Фамилии победителя из них были опубликованы нами в феврале вместе с краткими ответами на конкурсные задачи. Согласно условиям конкурса, 37 участников получили второй разряд по шахматам, 153 — третий и 1270 — четвертый разряд.

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Славно в набор 23/IV и 7/V 1971 г. А 09001. Подписано к печ. 17/V 1971 г. Формат бум. 70 x 106½. Усл. печ. л. 5,80. Уч. изд. л. 11,55. Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 1101. Заказ № 1243. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Правно.

Музыка Яна Френкеля

Слова Михаила Танича

Анна Константинова,
Вам за давней дальностью
И не сползая несуга
С чепчиков торчком.
Шлю вам запоздалое
Слово благодарности
За мои чернильные
Палочки кружочко.

Припев:
Ах, как годы торчатся,
Их с доски не стереть,
Но давайте, давайте попробуем
Не стареть, не стареть.

Анна Константинова,
Если вы позволите,
К вам на арифметику
В детство уеду

Припев:
Ах, как годы торчатся,
Их с доски не стереть,
Но давайте, давайте попробуем
Не стареть, не стареть.

КРОССВОРД

Составил А. СОКОЛЬСКИЙ, Московская обл.

По горизонтали:

1. Английский писатель.
5. Порт на Дунае.
6. Молочный продукт.
9. Научный бобр.
10. Пресноводная рыба.
11. Отрасль медицины.
15. Ревский историк.
17. Сказка в стихах.
18. Остров в Эгейском море.
19. Высшее музыкальное учебное заведение.
22. Птицы Камы.
23. Скульптор, автор «Ленинграда».
24. Заглавие первой страницы книги.
25. Лучшие части войск.
29. Остров в Тихом океане.
31. Направление, перпендикулярное курсу судна.
32. Город в Северной Корее.
33. Цветок.

По вертикали:

1. Вид изобразительного искусства.
2. Лососевая рыба.
3. Жанр художественной литературы.
4. Наука о развитии человеческого общества.
5. Демонстративное действие.
7. Отдел математики.
8. Стихотворный прием.
10. Герой романа Ю. П. Германа «Дело, которому ты служишь».
12. Материца.
13. Фруктовое дерево.
14. Повесть М. В. Гоголя.
16. Путь, проложенный пешеходами, лыжниками.
18. Автор книги «Путь жизни Гулливера».
20. Ущелье.
21. Спортивное сооружение.
25. Советский писатель.
26. Птица отряда воробьиных.
28. Город в Добнице.
30. Результат, итог, окончание.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали:

7. Кустанай.
8. Стелмаж.
9. Балинцев.
10. Тонца.
12. Антер.
14. Норпа.
16. Сондрат.
18. «Метеор».
19. Фагарин.
22. Сентер.
23. Корница.
24. Прага.
26. Плеска.
28. Анонс.
29. Вашичанин.
30. Гармонка.
31. Коперник.

По вертикали:

1. Журналов.
2. Дамба.
3. Балкан.
4. Шторца.
5. Слива.
6. Масленко.
11. Серватис.
13. Натямарин.
15. «Русалка».
17. Тагор.
18. Минус.
20. Бельштам.
21. Сенарий.
24. Пушкин.
25. Австрон.
27. Автол.
28. Антей.

ПИСЬМО УЧИТЕЛЬНИЦЕ

Слова Михаила Танича

Анна Константинова,
Вам за давней дальностью
И не сползая несуга
С чепчиков торчком.
Шлю вам запоздалое
Слово благодарности
За мои чернильные
Палочки кружочко.

Почувствуй заново
Крестивая и новинная,
Самой главной грамоте —
Правде и добру.

Припев.

Анна Константинова,
А в конце послания,
Вам желает радости
И хороших слов
Ваш не отличившийся
По чистосанию,
С третьей парты — помните! —
Леша Иванов.

Припев:

Ах, как годы торчатся,
Их с доски не стереть,
Но давайте, давайте попробуем
Не стареть, не стареть.

Музыка Яна Френкеля

Припев:

Ах, как годы торчатся,
Их с доски не стереть,
Но давайте, давайте попробуем
Не стареть, не стареть.

Анна Константинова,
Если вы позволите,
К вам на арифметику
В детство уеду

1. Из антикварного магазина похищена ценная вещь. Найдите ее на верхнем рисунке.

2. Сопоставь задания с рисунками!

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕЯНИ» № 10

1. Кружок 4 передает так, чтобы он соприкоснулся с кружками 5 и 6, кружок 1 передает 5 и 4, 2 кружок 5 — в соприкосновение с 1 и 2.
- 3, 4, 5, 4, 3, 9, 7, 9, 2, 4, 5, 7, 6, 9, 1, 2, 8, 5, 4, 3.

ДВИНА-РЕКА СЕВЕРНАЯ

Со стр. 17.

То, что вы видите на этих снимках, сделали мощными художниками архангельской артели «Беломерские узоры» сегодня. Но взгляните в эти расписные туеса и раздоскочные доски, в плетеные корыта и разные сосуды — в формах, линиях и красках чувствуется стили и смыслы исконно крестьянского творчества северодвинской земли, отмеченного изобретательностью выдумки и безграничностью вкуса. Страстно, глубоко русский любя красоту окружающей природы, крестьяне нашего севера стремились передать эту красоту и вещам, их окружающим. Вместе с тем народные художники отнюдь не были простыми копистами природы — они старались выразить радость своего отношения к ней. Отсюда излюбленные в их искусстве яркие, открытые и чистые тона — красный, синий, зеленый.

Возродить былое искусство, считающееся утраченным, — дело огромной культурной важности. Но тот ситуативизм, с которым начали и продолжают работать молодые северодвинские художники, заставляет надеяться, что они ведут его не только к новому расцвету, но и к порогу его новой, современной истории.